

- Бродянский Д.Л., Крупянко А.А.** Модель янковской лодки из бухты Теляковского // Вестн. ДВО РАН. – 2001. – № 3. – С. 68 – 73.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине: Сусуйская стоянка. – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.
- Воробьев М.В.** Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1983. – 368 с.
- Вэнь Ю.** Гу тун лу [Рисунки и надписи на древних бронзовых барабанах]. – Шанхай: Шанхайская издательская компания, 1954. – 135 с.; 1 вкл. (на кит. яз.).
- Глухарева О.Н.** Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. – М.: Искусство, 1982. – 256 с.
- Голубев В.А., Прокофьев М.М.** Изображения животных и рыб в искусстве охотской культуры // Первобытное искусство. – М.: Наука, 1976. – С. 116 – 120.
- Гончарова С.В.** Традиционные водные средства передвижения народов северо-востока Азии конца XIX – начала XX века (по материалам фондов Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова) // Вестн. Сахалинского музея. – Ю.-Сахалинск, 2001. – № 8. – С. 228 – 239.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. – 110 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 392 с.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978. – 343 с.
- Льюис Д.** Мы – навигаторы: древнейшее искусство открытия новых земель в Тихом океане. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. – 152 с.
- Ляпунова Р.Г.** Очерки по этнографии алеутов. – Л.: Наука, 1975. – 200 с.
- Мелетинский Е.М.** Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
- Микишин Ю.А., Гвоздева И.Г.** Развитие природы юго-восточной части острова Сахалин в голоцене. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – 130 с.
- Окладников А.П.** Тунгусо-маньчжурская проблема в археологии // История СССР. – 1968. – № 6. – С. 25 – 42.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
- Окладников А.П., Бродянский Д.Л., Чан Су Бу.** Тихоокеанская археология: Учебн. пособие. – Владивосток: Дальневост. ун-т, 1980. – 104 с.
- Пономаренко А.К.** Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Б.и., 2000. – 312 с.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.
- Прокофьев М.М., Павлюченко Ю.Н.** Водный транспорт аборигенов Сахалина // Вестн. Сахалинского музея. – 1995. – № 2. – С. 243 – 257.
- Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842 – 1844 гг.** – М.: Географиз, 1956. – 455 с.
- Раков В.А.** Устрицы *Crassostrea gigas* из раковинных куч Южного Сахалина: интродукция, акклиматизация, аквакультура // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 25 – 36.
- Савватеев Ю.А.** Наскальные рисунки Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 216 с.
- Те Ранги Хироа (П. Бак).** Мореплаватели солнечного восхода. – М.: Географиз, 1959. – 254 с.
- Федорчук В.Д.** Керамика поселений с раковинными кучами с северного побережья залива Терпения // Вестн. Сахалинского музея. – 1998. – № 5. – С. 143 – 162.
- Флэдмарк К.Р.** Ранний человек в море // XIV Тихоокеанский научный конгресс: Тез. докл. – М., 1979. – Т. 2. – С. 216.
- Art of Bronze Bells in Early Japan / Eds. Makoto Sahara, Hideji Harunari.** – Tokyo: National Museum of Japanese History and the Mainichi Newspapers, 1999. – 264 p. (на яп. и англ. яз.).
- Hwang, Su Young, Moon, Myung Dae.** Ban-Gu Dae Rock Picture in Ul-Ju. – Seoul: Dongguk University, 1984. – 265 p. (на кор. и англ. яз.).

Материал поступил в редакцию 20.11.02 г.

ТОРГАЖАКСКИЕ ГАЛЬКИ (основные аспекты изучения, интерпретация)

Введение

Поселение Торгажак расположено на юге Минусинской котловины в 2,5 км южнее улуса Полтаков (Аскизский р-н Республики Хакасия) на левом берегу р. Теи (рис. 1 – 3). Раскопки поселения проводились в 1988 – 1989 гг., частичное исследование – в 1990 – 1991 гг. Общая вскрытая площадь составляет более 1 300 м². В настоящее время это одно из наиболее крупных поселений эпохи бронзы на территории Южной Сибири. Все материалы поселения Торгажак опубликованы [Савинов, 1996].

Основной комплекс сооружений Торгажака включает пять расположенных П-образно крупных наземных построек прямоугольной и подквадратной формы с “площадью” посередине, открытой на восток. Размеры жилищ от 8,4 × 10,5 до 14,2 × 18,4 м. Жилища 3 – 5 были соединены узкими переходами, жилища 2, 3 имели специальным образом оформленные выходы на “площадь”. В основании жилищ находились неглубокий (около 0,5 м) котлован. В стенках жилищ 1, 3 были сделаны глубокие ниши. Все постройки каркасно-столбового типа, с четырьмя или шестью опорными столбами, ограничивающими центральную часть сооружения. Судя по отдельным хорошо сохранившимся участкам (жилище 5), по стенам были установлены деревянные нары. В 35 м к востоку от “площади” по той же оси раскопано еще два сооружения меньших размеров (жилища 6, 7), каким-то образом связанные с основным комплексом построек Торгажака (рис. 4 – 7).

Поселение погибло в результате пожара; при этом обитатели успели унести наиболее ценные (бронзовые?)

вещи. Три массивных бронзовых серпа (жилище 1) были найдены только потому, что их спрятали (в одной связке?) за “притолоку”. Жилище 3 сгорело полностью; в остальных в той или иной степени сохранились остатки деревянных конструкций (стен, покрытия, каких-то внутренних перегородок), “спрессованные” на дне котлованов. Судя по длине сохранившихся жердей перекрытия, высота наземной части сооружений составляла около 3,5 м. По конструкции жилища Торгажака очень напоминают якутские балаганы – *дьиэ*, один из наиболее древних видов якутского жилища [Савинов, 1998]. М.А. Дэвлет удачно сравнила планы этих жилищ с некоторыми планиграфическими рисунками в петроглифах Горного Алтая, Тувы и Внутренней Монголии [1992]; это сходство является косвенным свидетельством широкого распространения построек подобного типа в эпоху поздней бронзы.

Ни в одном из жилищ Торгажака не зафиксированы долговременные очаги или какие-нибудь другие очажные устройства, необходимые для отопления столь крупных сооружений, особенно в суровых зимних условиях Хакасии. В углах некоторых построек обнаружены только скопления обожженных камней (типа печки-каменки?). Учитывая это, а также определения костей диких животных и данные о практически полном отсутствии развалов глиняных сосудов, можно предположить, что поселение было сезонным и использовалось, скорее всего, в весенний (или осенний) периоды.

По отдельным характерным бронзовым изделиям (обломки ножей, желобчатого браслета и двухъярусной бляшки, перстень с двумя сферическими выступами на щитке), роговым трехдырчатым псаломом и

Рис. 1. Местонахождение поселения Торгажак.

Рис. 2. Долина р. Теи, в которой находится поселение Торгажак.

Рис. 3. Цветущая хакасская степь в месте расположения Торгажака.

Рис. 4. Остатки жилища 1 Торгажака (вид с юго-запада).

Рис. 5. Остатки жилищ 3 – 5 и “площади” Торгажака (вид с востока).

Рис. 6. Заполнение (окрашенное темным) жилищ 4, 5 Торгажака.

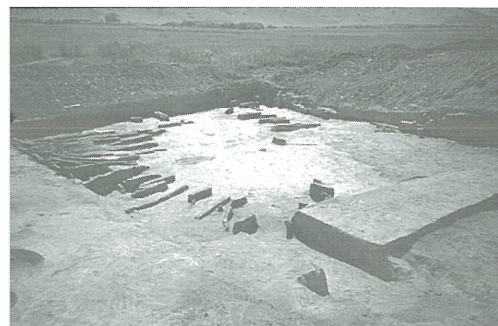

Рис. 7. Остатки жилища 3 Торгажака (вид с юго-запада).

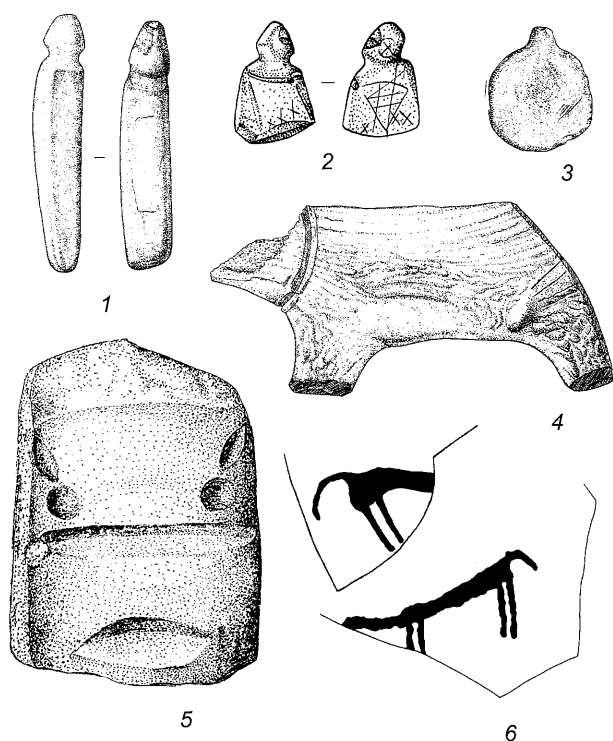

Рис. 8. Предметы ритуального назначения из Торгажака. 1 – фаллические изделия, 2 – антропоморфная фигурка из мергеля, 3 – плитка со следами краски (для растирания?), 4 – роговая фигурка медведя, 5 – каменный блок с личиной окуневского типа, 6 – плитки песчаника с петроглифами в “карасукском” стиле (по Д.Г. Савинову [1996]).

керамике* поселение Торгажак относится к завершающему этапу карасукской культуры и может быть датировано X – IX вв. до н.э., рубежом карасукского и каменоложского этапов (по М.П. Грязнову).

На внутреннем пространстве поселения, условно называемом площадью, обнаружено более 40 ям, разных по размерам и профилю. В некоторых из них находились остатки деревянных столбов, обломки каменных плиток, иногда вкопанных вертикально и затем засыпанных, фрагменты керамики и отдельные вещи. Вряд ли имеются основания для сомнений в ритуальном назначении этой части памятника. Необходимо отметить, что и в самих жилищах были найдены предметы явно ритуального назначения: каменные песты фаллической формы (рис. 8, 1), антропоморфная фигурка из мергеля с вырезанными на ней геометрическими знаками (рис. 8, 2), круглые песчаниковые плитки с выступами-ручками, на которых сохранились следы охры для растирания красок (?) (рис. 8, 3), роговая фигурка медведя (манекен (?)) (рис. 8, 4) и др. В специально сделанных нишах обна-

ружены намеренно сломанные плитки песчаника с петроглифами в “карасукском” стиле (это первая находка подобного рода в комплексе) (рис. 8, 6) и каменный блок с личиной окуневского типа, который первоначально был, видимо, установлен на обработанной каменной плите (рис. 8, 5). Независимо от того, как интерпретировать последнюю находку – в качестве примера длительного сохранения окуневской изобразительной традиции или использования сколотой верхней части изваяния окуневской культуры, изображение на ней соответствовало идеологическим представлениям жителей Торгажака. Судя по составу находок, ритуальная практика обитателей поселения была достаточно разнообразной. Самые массовые находки, представляющие этот вид деятельности жителей Торгажака, – различным образом гравированные гальки. Они были обнаружены как внутри жилищ, так и на “площади”. Основным аспектам изучения и интерпретации галек посвящена настоящая статья.

О гальках “торгажакского типа”

В результате исследования карасукского поселения Торгажак на юге Хакасии была открыта самая крупная из всех известных в настоящее время серия галек с различного рода гравировками (более 220 экз.), представляющих широкие возможности для изучения изобразительной деятельности и духовной культуры населения Южной Сибири эпохи бронзы. Первая информация об этом была опубликована в 1991 г. [Савинов, 1991]. В статье 1995 г., посвященной антропоморфным изображениям на торгажакских гальках, были выделены две группы фигурок – “одетые” и “запеленутые”, и опубликованы наиболее выразительные образцы [Савинов, 1995]. В монографии 1996 г., представившей все материалы Торгажака, приводились изображения найденных на памятнике гравированных галек; обосновывалось их деление на семь групп (две первые – с антропоморфными, остальные – с геометрическими рисунками); определялись их иконографические особенности и (предварительно) круг представлений, с которыми могло быть связано изготовление подобного рода изображений [Савинов, 1996, с. 38 – 47; табл. XX – XXIX]. Одной из главных задач данной работы было оперативное введение в научный оборот всей серии торгажакских галек. Естественно, что при этом вопросы интерпретационного характера, как наиболее сложные и требующие длительного осмысления, были только намечены или отошли на второй план.

Как и следовало ожидать, торгажакские гальки, особенно с антропоморфными изображениями, привлекали к себе внимание исследователей. В статье И.В. Асеева они приведены в качестве аналогов орнаменти-

* Проанализирована И.П. Лазаретовым [1996].

рованным галькам, найденным на берегу Иркутского водохранилища (неолит?), а также изображениям на гальках с мыса Крузенштерна и сланцевых плитках с о-ва Кадьяк (Аляска). “В коллекции из Торгажака, — отмечает автор, — есть схематические изображения антропоморфов, которые по композиционному построению рисунка близки к галькам из эскимосских жилищ на Аляске. Более того, они идентичны в этом плане гравированным сланцевым плиткам с острова Кадиак” [Асеев, 1998, с. 112]. В совершенно ином ареале культурных традиций находят параллели антропоморфным изображениям на торгажакских гальках Д.А. Мачинский и К.В. Чугунов. “Отправной точкой” для них послужили колоколовидные подвески из женских погребений саглынской культуры в Туве, которые А.Д. Грач интерпретировал как изображения Великой богини-матери [1980, с. 66 – 69]. Отметив, что «археологическая ситуация нахождения “колоколовидных” подвесок в памятниках ранних кочевников Тувы поразительно совпадает с ситуацией находок известных костяных пластинок с изображением женского лица и каменных головок в могилах окуневской культуры», Д.А. Мачинский и К.В. Чугунов объединили их в один (типологический (?), семантический (??) ряд. “Связующим звеном здесь является... Торгажак, где найдена большая серия орнаментированных галек”, в основе изображений на которых лежит “женский образ” той же Великой богини-матери [Мачинский, Чугунов, 1998, с. 183 – 184, рис. I]. Ее же воплощением эти специалисты считают многогрудую богиню из Сард (Лидия), изображенную на римских монетах II – III вв. н.э. [Там же, с. 187, рис. II]. Таким образом, диапазон ассоциаций, возникающих при рассмотрении торгажакских галек, необычайно широк – от памятников палеоэскимосской культуры на территории Аляски до эллинистических культов Ближнего Востока.

Антропоморфные рисунки на торгажакских гальках в качестве аналогов (или примеров сохранения изобразительной традиции) были использованы также в работах Л.А. Соколовой [1995, рис. 1, 4], В.И. Молодина [Molodin, Kiseleva, 1998, fig. 5, 2 – 4], С.Н. Леонтьева [2000, рис. 2, 8 – 11], И.В. Ковтуна [2001, табл. 92, 6, 7; 106, 6; 108, 1, 2]. Особо стоит отметить статью С.Н. Леонтьева, опубликованную в 2001 г. В ней автор, отметив, что “сам Д.Г. Савинов не дал торгажакским гравировкам однозначной (? – Д.С.) интерпретации” [2001, с. 111], при “расшифровке” отдельных элементов изображений на торгажакских гальках пользуется набором уже ставших привычными штампов: рисунки пространственного характера – “модель вселенной (мандала)”, елочный орнамент – “мировое дерево”, дугообразная фигура на обратной стороне некоторых галек – “небосвод”,ходящие от нее параллельные линии – “струи дождя”,

такие же линии, но с копьевидными окончаниями – “молнии” и т.д. В заключительном абзаце этой работы говорится о “зародышевой субстанции вселенной” и “материальном выражении брачного союза Неба и Земли, в результате которого возникло мироздание” [Там же, с. 115]. Вряд ли все это могло быть известно жителям Торгажака! Мнение С.Н. Леонтьева о том, что на торгажакских гальках изображена Богиня-мать, главный персонаж “пантеона позднекарасукских племен”, в принципе соответствует заключению Д.А. Мачинского и К.В. Чугунова. Однако в таком случае не понятно, почему многие гальки, передающие образ этой “великой богини”, сломаны, затерты, использованы для нанесения других изображений.

В годы, прошедшие после раскопок Торгажака, количество галек с аналогичными гравировками существенно не увеличилось. На поселении Усть-Куном (Горный Алтай), один из периодов существования которого относится к “развитой бронзе”, обнаружено “скопление галек с орнаментом”. Одна из них – овальной формы с рядом заштрихованных треугольников по краям – опубликована (рис. 9, 13) [Кунгурова, 1991, с. 10; рис. 6, 7]. Похожий образец, но не с одним, а тремя рядами расположенных по кругу заштрихованных треугольников, имеется и в коллекции из Торгажака (рис. 10, 2).

Серия орнаментированных изделий из Тувы опубликована В.А. Семеновым. Среди них пять галек прямо сопоставимы с торгажакскими (см. рис. 9, 9 – 11) [Семенов, 1992, рис. 19, 1, 2, 5, 7, 9]. Поскольку они опубликованы вместе с материалами из 7-го слоя стоянки Тоора-Даш, относящимися к окуневскому времени, в литературе сложилось мнение о более раннем, чем это показывают находки из Торгажака, появлении орнаментированных галек подобного типа в Туве. Однако это не совсем так. На стоянке Тоора-Даш найдены только три сланцевые плитки с процарапанным геометрическим орнаментом. “Такие плитки, — отмечает В.А. Семенов, — встречаются как в других слоях стоянки, так и на других памятниках окуневского времени в Туве” [Там же, с. 36]. Изображения на них по характеру наиболее близки некоторым рисункам на каменных плитках из погребений окуневской культуры в Минусинской котловине [Лазаретов, 1997, табл. XII, 1 – 3]. Что касается гравированных галек “торгажакского типа”, то все опубликованные В.А. Семеновым образцы обнаружены на развешенной стоянке Этекшил [Семенов, 1992, с. 56]. Раскопки здесь не производились и дата памятника остается неопределенной. Учитывая, что в Туве неоднократно находили бронзовые изделия карасукского облика [Кызласов, 1979, рис. 14, 15, 19], отнесение к этому же времени гравированных галек, аналогичных торгажакским, представляется наиболее оправданным.

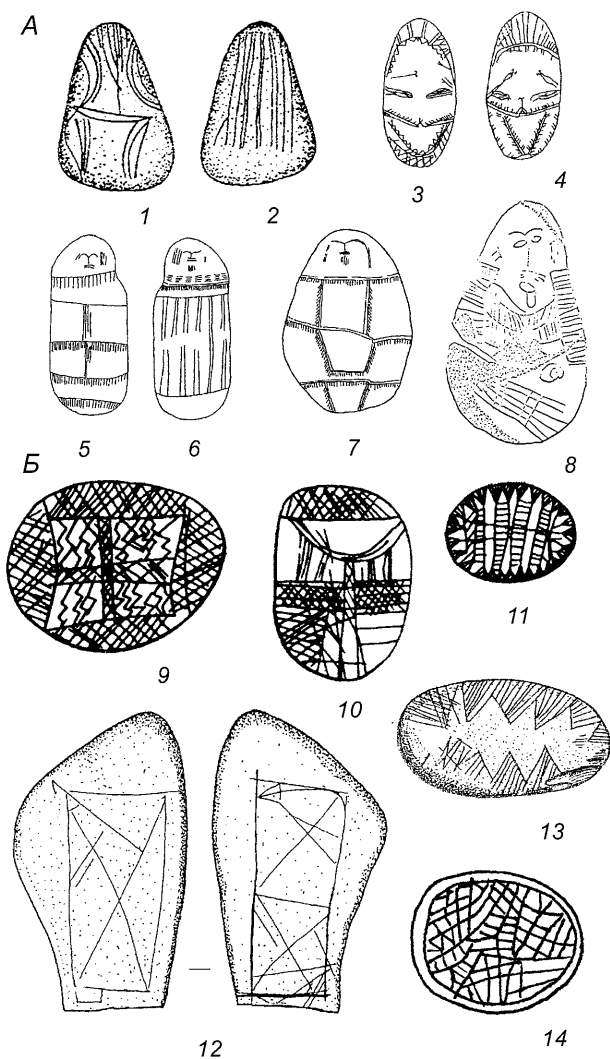

Рис. 9. Орнаментированные гальки.

А – “мнимые” аналоги: 1, 2 – Рудная Пристань, Приморье (по А.А. Круляню, А.В. Табареу [1996]); 3, 4 – Иркутское водохранилище, Ангара (по Э.А. Климашевскому [1974]); 5 – 7 – мыс Круzenshterna (по И.В. Асееву [1988]); 8 – Южная Аляска (по Р. Аккерману [Ackerman, 1965]); Б – гальки торгажакского типа: 9 – 11 – Этекишил, Тува (по В.А. Семенову [1992]); 12 – Чебаки, Минусинская котловина (по А.И. Готлибу [2002]); 13 – Усть-Куюм, Алтай (по Н.Ю. Кунгуровой [1991]); 14 – Быстрая, Минусинская котловина, случайная находка (по Н.В. Леонтьеву [1997]).

С территории Минусинской котловины пока известны только две такие находки. Одна из галек (хранится в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартынова) – результат сборов на песчаных выдувах у д. Быстрой*. Галька уплощенной формы серовато-коричневого цвета по характеру изображения несколько отличается от торгажакских (см. рис. 9, 14),

* Приношу глубокую благодарность Н.В. Леонтьеву за сведения об этой находке (ММ, кол. 11862) и предоставленную прорисовку.

но, видимо, относится к тому же кругу памятников. Других подобных предметов, по данным Н.В. Леонтьева, в богатейшем собрании Минусинского краеведческого музея нет. Вторая галька была найдена А.И. Готлибом при раскопках горного укрепления-све на горе Чебаки [Готлиб, 2002, рис. 1]. На обеих ее сторонах нанесены прямоугольные фигуры, пересеченные на одной поверхности одним, а на другой – двумя крестами (см. рис. 9, 12). Гальки с пересеченным крестом и прямоугольной фигурой в центре также представлены в коллекции из Торгажака (см. рис. 10, 4 – 6).

Таким образом, все известные сегодня специалистам орнаментированные гальки, аналогичные торгажакским, были обнаружены на территории Саяно-Алтайского нагорья и, по-видимому, относятся к одному времени. В количественном отношении они не сопоставимы с найденными на поселении Торгажак, что еще раз подчеркивает значение последнего как ритуального центра древнего населения юга Минусинской котловины. В пользу данного предположения свидетельствует и то, что при раскопках расположенных в этом же районе отдельных сооружений подобного типа – Тунчух ([Севастьянова, 1977, с. 241]; Архив ИА. Р-1. № 6378) и Бырганов V (раскопки

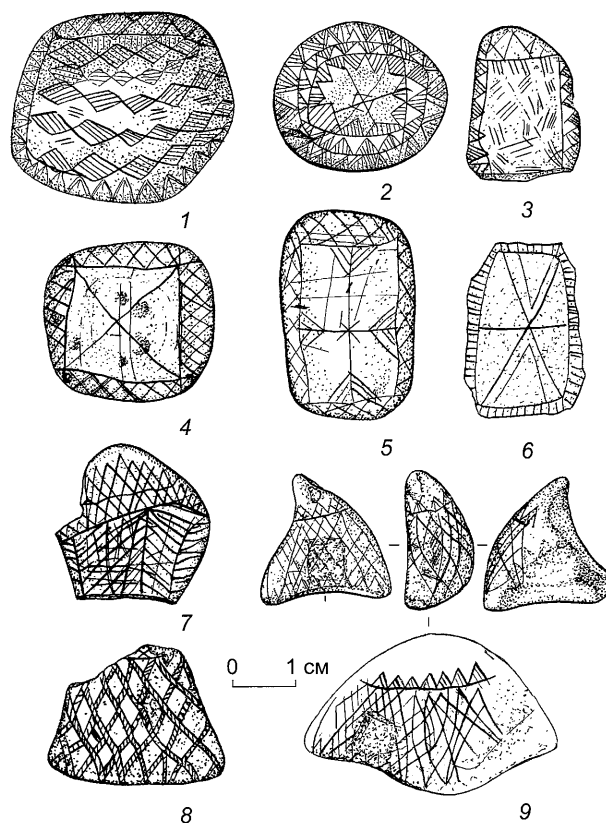

Рис. 10. Изображения геометрического характера из Торгажака.

И.П. Лазаретова, 1990 г.; Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 91) – ни разу не были обнаружены гравированные гальки. Можно предположить, что до открытия нового комплекса, аналогичного торгажакскому, эта серия существенно не пополнится.

Основные аспекты изучения

При анализе торгажакских галек следует учитывать в первую очередь характер нанесенных на них изображений. Он лежит в основе деления на два вида – с антропоморфными и геометрическими изображениями. Однако строгого разграничения между изображениями нет: многие элементы повторяются, переходят с одной гальки на другую, создают как бы общий фон, присущий этому виду изобразительного искусства. Гальки с антропоморфными изображениями делятся на две группы – “одетые” и “запеленутые” фигурки (рис. 11). Вместе с отдельными фрагментами они составляют около половины всей коллекции. Гальки с геометрическими рисунками более вариативны. В книге о Торгажаке было выделено пять групп таких изображений [Савинов, 1996, с. 43 – 46]. Возможно, на самом деле их несколько меньше; не исключено, что некоторые гальки, по характеру орнамента отнесенные к “геометрическим”, на самом деле представляют крайне схематизированную форму антропоморфных изображений. Наиболее “читаемая” группа образцов с геометрическими рисунками – гальки с изображением замкнутого “поля”, украшенного разными дополнительными деталями (см. рис. 10, 1 – 6). Однако их оформление следует рассматривать не как орнамент, а как своеобразную геометризированную форму выражения понятных их создателям образов.

Даже это краткое перечисление свидетельствует о многоплановом назначении торгажакских галек. В интерпретационном плане наиболее интересны и информативно содержательны гальки с антропоморфными изображениями. Рассмотрение их возможно в пяти взаимосвязанных между собой аспектах: 1) формационном, 2) иконографическом, 3) культурно-генетическом, 4) предметно-аналитическом, 5) функциональном. Каждый из этих аспектов отражает одну сторону явления, но позволяет с большей или меньшей долей вероятности реконструировать его содержание в целом.

Формационный аспект. Антропоморфные изображения характерны для обществ, существовавших в условиях анимистического мировоззрения. Для их изготовления использовались различные материалы, но в первую очередь те, естественная форма которых в наибольшей степени соответствовала очертаниям человеческой фигуры. Примером устойчивос-

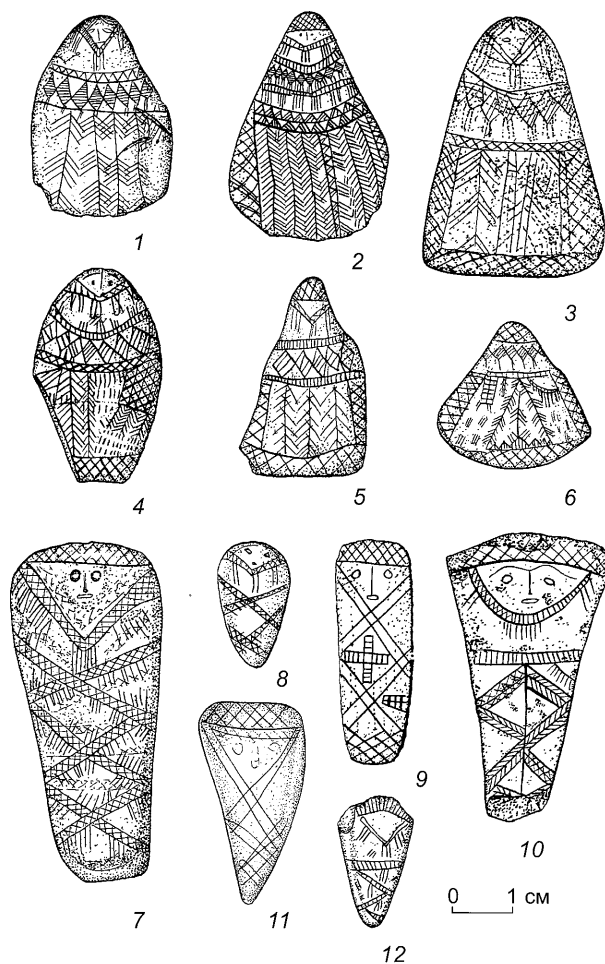

Рис. 11. “Одетые” (1 – 6), “запеленутые” фигурки (7 – 12) из Торгажака.

ти подобного рода изображений, “перекрывающих” границы археологических культур и даже целых исторических эпох, могут служить фаланги лошади, т.н. бабки, антропоморфный облик которых требовал лишь незначительных добавлений для придания им сходства с фигурой человека. Такие по-разному украшенные бабки обнаружены в энеолитическом поселении Ботай в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, рис. 21; Ченченкова, 1995, рис. 1], зольнике ирменской культуры на верхней Оби [Грязнов, 1956, рис. 8, 6], на поселении эпохи поздней бронзы Усть-Нарым в Восточном Казахстане [Черников, 1960, табл. XXVII, 5], в Большом Полтаковском кургане тагарской культуры в Минусинской котловине [Курочкин, 1993, рис. 9], погребениях средневекового Троицкого могильника на р. Амур [Деревянко, 1977, табл. II, 6; XI, 8; XIII, 7]. На первый взгляд, никакой связи между этими изображениями и торгажакскими гальками нет; однако на формационном уровне все они (пожалуй, за исключением средневековых) относят-

Рис. 12. Галька в виде антропоморфного изображения.

ся к одному кругу представлений. В этом плане следует отметить реконструкцию М.П. Грязнова, убедительно сопоставившего ирменскую находку с *эменгедерами* – женскими семейными покровителями у северных алтайцев [1962, с. 26 – 27].

Столь же широко были распространены специально подобранные гальки продолговатой или подтреугольной формы, которым при помощи дополнительных гравировок придавался антропоморфный облик. Так, на берегу Иркутского водохранилища найдено девять орнаментированных галек, отнесенных по обнаруженным здесь же кремневым орудиям и керамике к эпохе неолита [Климашевский, 1974, рис. 1 – 4]. По мнению И.В. Асеева, на двух из них изображены личины-маски (см. рис. 9, 3, 4) [1998, с. 109]. Серия орнаментированных галек (21 экз.) найдена в 1986 г. на раскопе № 5 неолитического поселения Рудная Пристань в Приморье. Все рисунки на этих гальках, по определению Г.И. Кузиной, геометрического характера [1987]. Однако, согласно другой публикации руднинских галек, по крайней мере три или четыре образца имеют антропоморфный облик: на узком конце гальки показаны распущенные волосы (?); на одной из галек в нижней широкой части, как на торгожакских гальках, выделено прямоугольное “поле” и концы некоторых параллельных линий раздвоены (см. рис. 9, 1, 2) [Крупянюк, Табарев, 1996, рис. 2, 3]. Не исключено, что в данном случае можно говорить о каких-то общих истоках иконографически (или семантически) сходных элементов.

Что касается антропоморфных изображений на гальках с мыса Крузенштерна и о-ва Кадьяк (см. рис. 9, 5 – 7), опубликованных И.В. Асеевым, то сходство их с торгожакскими гальками носит формальный характер и объясняется естественной близостью приемов в передаче человеческой фигуры. Такие же гальки с антропоморфными изображениями найдены и в палеоиндейских поселениях на юге Аляски (см. рис. 9, 8). Р. Аккерман, отмечая, что они были найдены около очагов и, скорее всего, намеренно разломаны, определяет их как предметы магического назначения, служивших, например, для лечения болезни. Дух болезни “входил” в камень с нанесенным на нем портретным изображением человека, после чего гальку ломали и выбрасывали [Askerman, 1965]. Вряд ли подобное объяснение применимо для торгожакских галек, но само отношение к декорированному определенным образом предмету как посреднику в реализации каких-то действий в формационном плане является достаточно показательным.

Иконографический аспект. Как уже говорилось, антропоморфные рисунки на торгожакских гальках представляют два варианта изображения человека (условно – “одетые” и “запеленутые”). В основе каждого из них лежит определенная изобразительная схема, усложненная и индивидуализированная различными рода дополнительными деталями.

“Одетые” фигурки – плоские (или уплощенные) гальки треугольной (или подтреугольной) формы, обращенные зауженной частью вверх. Изображения обычно нанесены на обеих сторонах гальки и представляют одетую человеческую фигуру с детально проработанными аксессуарами (см. рис. 11, 1 – 6; 12). Все изображения, и тщательно сделанные и выполненные более грубо, несомненно, женские. Лицевая поверхность гальки оформлена по определенной изобразительной схеме. Наверху, в узкой части, как правило, изображены лицо треугольной формы, глаза, нос, реже – рот, круглая, покрытая сетчатым орнаментом шапочка. От лица вниз и в стороны отходят короткие параллельные линии, чаще всего по две-три с определенным интервалом между ними. На уровне “плеч” проведена двойная заштрихованная линия; ниже нее – цепочка заштрихованных ромбов с короткими линиями-“подвесками”, передающими, скорее всего, характер украшения нагрудной части одежды. На всех гальках четко выделен пояс; иногда переданы подвешенные к поясу узорчатые ленты, сумка или “мешок”, нож. В нижней, более широкой части гальки, показан прямоугольный “передник”, чаще всего украшенный вертикальной “елочкой”. Края гальки (“фон”) от пояса и ниже обычно украшены косой сеткой. На некоторых образцах внизу имеется горизонтальный ряд заштрихованных треугольников – декор на нижнем крае одежды.

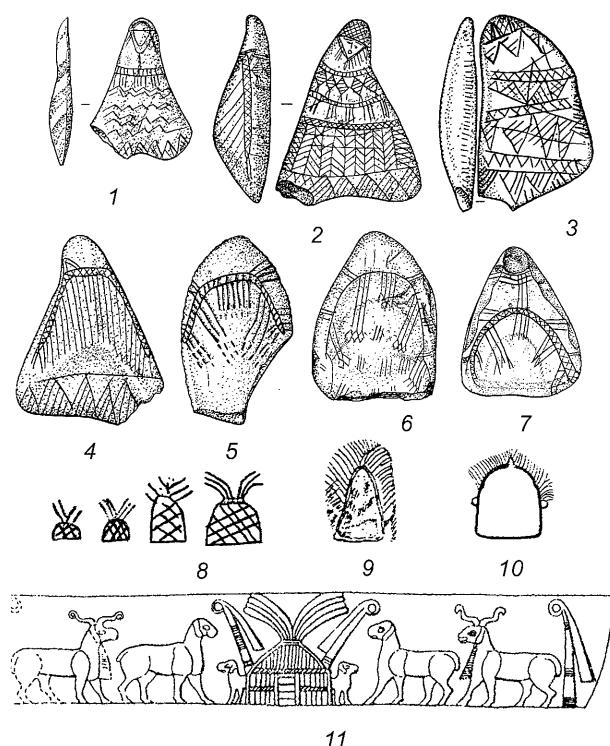

Рис. 13. Изображения “генеалогического цикла” из Торгажака и аналоги.

1 – 3 – фигуры беременных женщин из Торгажака; 4 – 7 – дугообразная фигура на оборотной стороне торгажакских галек; 8 – 11 – “хижины для рождения”. 8, 11 – Месопотамия; 9, 10 – мегалитические сооружения Бретани, Франция (по А.М. Смирнову [2001]).

Рисунок на оборотной стороне гальки, будучи композиционно связан с изображением на лицевой части, имеет самостоятельное значение. Основным мотивом украшения здесь является дугообразно изогнутая фигура, как бы “подвешенная” на плечах, от которой вниз отходят многочисленные линии (подвески?), в некоторых случаях раздваивающиеся на концах или со стреловидными окончаниями (рис. 13, 4 – 7). Иногда сверху изображена отходящая от “затылка” вниз линия (или лента) с расходящимися в обе стороны наискось черточками (подвесками?), передающая, возможно, косу или собранные в пучок волосы с наклонными украшениями. Устойчивость данной изобразительной схемы не дает основания сомневаться в том, что на “одетых” фигурках из Торгажака показаны реальные детали женского костюма.

“Запеленутые” фигурки – уплощенные или овальные в сечении гальки вытянуто-треугольной формы, обращенные концом вниз. Наиболее характерная особенность этой группы изображений – показанные на лицевой стороне (а иногда и переходящие на

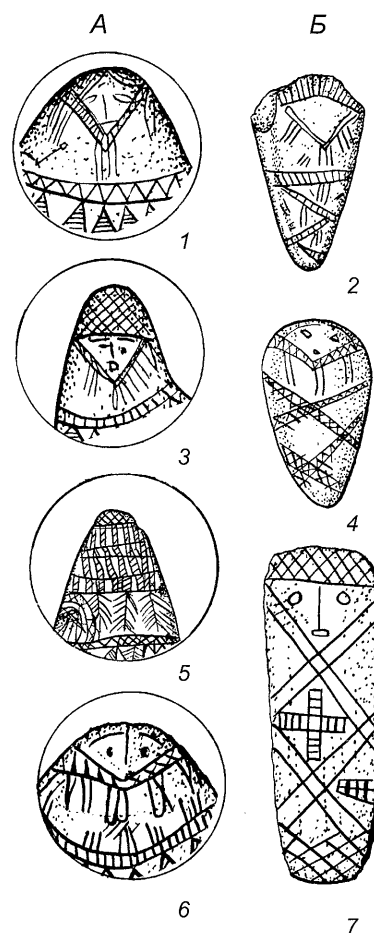

Рис. 14. “Одетые” (А) и “запеленутые” (Б) фигурки из Торгажака.

оборотную) перекрещивающиеся орнаментированные полосы, опоясывающие гальку сверху донизу (см. рис. 11, 7 – 12). В широкой верхней части показано лицо треугольной формы, иногда образованное концами перекрещивающихся линий, и шапочка с сетчатым орнаментом, такая же, как и на “одетых” фигурках. На некоторых образцах видны отходящие от “лица” вниз короткие параллельные линии. На оборотной стороне иногда прорезана вертикальная, во всю длину гальки, линия, а поверхность ее заштрихована.

При всем сходстве гальки с антропоморфными фигурами различаются, как уже говорилось, по характеру изображений, степени сохранности и индивидуальным особенностям исполнения, в частности, передачи лица и головных уборов. Исходя из этого, можно выделить четыре варианта “одетых” галек: 1 – лицо изображено, головного убора нет, волосы распущены; 2 – лицо изображено, на голове округлая шапочка; 3 – лицо не изображено, вместо него “занавеска”, на голове округлая шапочка; 4 – лицо изображено,

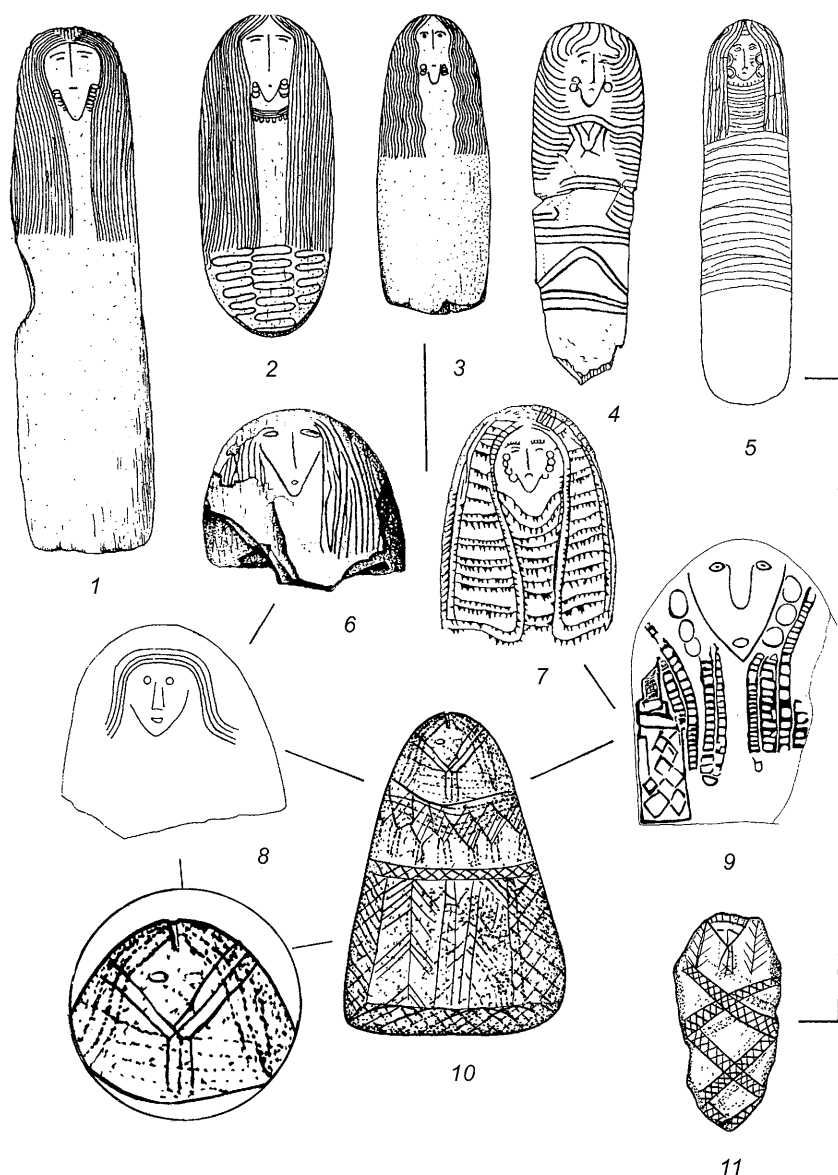

Рис. 15. "Абаканские" пластинки (1 – 7) и схема развития (8 – 11) антропоморфных изображений из Торгажака.

1 – Уйбат III (по И.П. Лазаретову [1997]); 2, 3 – Верхаскиз I (по А.А. Ковалеву [1997]); 4 – Черновая VIII (по Г.А. Максименкову [1980]); 5 – Чебаки (по А.И. Готлибу [2002]); 6, 7 – Черновая XI (по С.Н. Леонтьеву [2000]); 8 – Усть-Есинская Кыс-Тап (по М.П. Грязнову [1950]); 9 – Ар-Хая (по Д.Г. Савинову [1997]); 10, 11 – Торгажак, Минусинская котловина.

головного убора нет, волосы не показаны (рис. 14, А). Даже такая первичная классификация имеет значение для определения внутреннего содержания "одетых" галек. По этому признаку они неоднородны. Или это изображение одного и того же персонажа, представленного, учитывая знаковое значение костюма, в разных состояниях; или, что гораздо более вероятно, передача определенного статуса конкретных, т.е. многих, лиц. Поскольку все изображения этой группы женские, имеются основания предполагать, что они

отображают социально-семейные (они же – возрастные) градации в жизни женщины, которые необходимо было учитывать при совершении каких-то обрядовых действий.

Классифицировать по тем же признакам "запеленутые" фигурки значительно сложнее. Выделяются три варианта таких изображений (рис. 14, Б). На некоторых из них треугольником показаны только очертания лица; верхняя часть гальки никак не выделена (вариант 1). Иногда выше лица нанесены вертикальные черточки – волосы (вариант 2). Однако на большинстве изображений этой группы верхняя часть гальки покрыта сетчатым орнаментом (вариант 3). По аналогии с "одетыми" фигурками можно предположить, что это "шапочка". Показательно, что не встречены "запеленутые" фигурки с "занавешенным" лицом и с распущенными волосами, т.е. признаками, согласно приведенной выше классификации, характерными для вариантов 1 и 3 "одетых" фигурок. Вероятно, между ними были наибольшие различия и на содержательном уровне.

Культурно-генетический аспект. Говорить о происхождении гравированных галек из Торгажака в целом, ввиду их разнообразия и отсутствия аналогов большинству из выделенных групп изображений, не представляется возможным. Пока речь может идти только о наиболее информативных

с этой точки зрения рисунках на "одетых" фигурках, наиболее близких в стилистическом отношении к гравировкам на костяных пластинках окуневской культуры. Эта аналогия уже была замечена всеми исследователями, но требует более внимательного рассмотрения.

Впервые пластинки с гравировками были найдены в одном из погребений в г. Абакане [Левашева, 1975, рис. 5] и поэтому получили название "абаканские". В основе представленных ни них изображений

Пластины с гравировками в погребениях окуневской культуры

Памятник	Источник информации	Кол-во пластинок, экз.	Состав погребенных
Абакан, церковь, мог. 4	[Левашева, 1975, рис. 5]	2	Женщина с младенцем
Черновая VIII, кург. 9, мог. 7	[Максименков, 1980, табл. XXIV, 12, 13, 15]	4 (?)	Ребенок (девочка?) четырёх-пяти лет
Верхаскиз I, кург. 1, мог. 9	[Хаврин, 1997, рис. 1]	6	Женщина 20 – 25 лет
Верхаскиз I, кург. 2, мог. 11	[Ковалев, 1997, рис. 1]	3	Младенец
Уйбат V, кург. 4, мог. 11	[Лазаретов, 1997, табл. XIV, 8, 9]	2	Младенец около года

лежит определенный изобразительный канон: рисунок, как правило, помещается на одном конце пластинки; показаны вытянутые очертания лица, острый подбородок, длинные распущенные на две стороны волосы, по бокам кольца-серьги, в некоторых случаях показано ожерелье (рис. 15, 1 – 5). Наиболее яркое описание изображений на “абаканских” пластинках дал М.Л. Подольский: «Поражает нарочитый “вертикализм” композиции: очень вытянутое лицо с острым подбородком и прямым удлинённым носом, свисающие от ушей цепочки колец, ниспадающие пряди волос. Горизонтальных связей практически нет, двухмерность создается как сумма одномерных вертикалей... Изображался ли в каждом конкретном случае бог или обожествленный предок, его облик безусловно иконографичен, он посредник в общении с небесными силами» [1997, с. 187].

В художественном отношении рисунки на торгашакских гальках выглядят скромнее, чем на “абаканских” пластинках, хотя между ними есть и много общего: и те и другие изображения женские, тот же “вертикализм” композиции, на некоторых торгашакских гальках (вариант 1), как и на “абаканских” пластинках, показаны распущенные волосы. Отличия видны в абрисе лица: на “абаканских” пластинках он подчеркнуто-вытянутый, на торгашакских гальках треугольный. Однако в открытом недавно окуневском кургане Черновая XI найден обломок костяной пластинки “абаканского” типа, на которой показано треугольное лицо (рис. 15, б), что, по справедливому замечанию С.Н. Леонтьева, “сближает его с торгашакскими гравировками” [2000, с. 16]. Вероятно, имеются все основания рассматривать рисунок на этой находке из позднеокуневского кургана как типологически промежуточный между классическими окуневскими и более схематичными изображениями на торгашакских гальках.

Для определения смыслового содержания торгашакских галек (“одетые” фигурки) важна информация об условиях обнаружения пластинок “абаканского” типа. За исключением образца из крепости-

све на горе Чебаки [Готлиб, 2002, рис. 3], все пластинки (17 экз.) найдены (по 2 экз. и более) в женских погребениях с детьми или в захоронениях детей* (см. таблицу**). В этой связи, возможно, следует обратить внимание на разномасштабность “абаканских” пластинок (в одном наборе встречаются “большие” и “маленькие” образцы), а также на волнистые волосы некоторых персонажей (Уйбат V, кург. 4, мог. 11; Верхаскиз I, кург. 2, мог. 11) (см. рис. 15, 3), не исключено, что “кудри” были атрибутами детских или юношеских изображений.

Таким образом, можно констатировать, что изготовление и использование “абаканских” пластинок, которые являются типологическими предшественниками (во всяком случае одного из вариантов) торгашакских галек, было связано с особым отношением к обряду захоронения женщин с детьми, в основном младенческого возраста. По всей видимости, круг представлений, обуславливавших это отношение, следует учитывать в первую очередь и при интерпретации антропоморфных изображений на торгашакских гальках. О том, что данная изобразительная традиция существовала и в более позднее время, разделяющее окуневскую и карасукскую культуры, свидетельствуют два каменных изваяния – Ар-Хая и известная еще с петровских времен Усть-Есинская Кыс-таш, они открыты в том же районе, что и поселение Торгашак.

* Об условиях обнаружения двух пластинок из Черновой XI [Леонтьев, 2000, рис. 3, 4] у нас нет данных.

** В таблице учтены только пластинки с полными изображениями. Не совсем четкие данные по памятникам Черновая VIII, кург. 9, мог. 7, где в одном погребении девочки (?) было найдено сразу несколько пластин с гравировками, каменная подвеска с личиной, а также две-три стеатитовые фигурки “таштыпского” типа (такое “обилие” разнообразных культовых предметов в одном детском погребении трудно объяснить) и Верхаскиз I, кург. 1, мог. 9, давшего как бы два “комплекта” пластин, из них четыре найдены в заполнении, не исключено, что здесь могло быть еще одно разрушенное (детское?) захоронение.

Изваяние из Ар-Хая было использовано в качестве плиты ограды тагарского кургана (около улуса Полтаков). Оно представляет собой плиту подтреугольной формы размерами $0,8 \times 0,6$ м из светло-коричневого песчаника. Нанесенные на нем изображения, сильно выветренные и сглаженные, покрывают всю лицевую плоскость камня (рис. 15, 9). Показано лицо подтреугольной формы с длинным носом, миндалевидными глазами с “точкой” посередине и маленьким овальным ртом. По обеим сторонам от лица одна над другой выбито по три круглые серьги. По “плечам” изваяния спускаются узорчатые ленты – по четыре с каждой стороны. В нижней левой части плиты изображена прямоугольная фигура, украшенная ромбическим орнаментом (сумка или “мешок”?). По отдельным элементам изображения изваяние из Ар-Хая занимает как бы промежуточное положение между окуневскими костяными пластинками и торгажакскими гальками. Подтреугольные очертания лица, сумка на боку, орнаментальное заполнение всего изобразительного поля – торгажакские; расположение друг над другом кольчатых серег, передача носа и глаз – окуневские.

По форме камня, размерам (67×70 см) и общему композиционному решению ближайший аналог изваянию из Ар-Хая – знаменитая Усть-Есинская Кыс-таш, в верхней части которой также показано лицо подтреугольной формы с бровями и носом, обозначенными одной линией, глазами в виде “точки” и ртом-черточкой (рис. 15, 8). По классификации Э.Б. Вадецкой, Усть-Есинская Кыс-таш отнесена к группе реалистических изображений, с которых берет начало окуневская традиция создания изваяний [1980, с. 39 – 49]. Совершенно справедливое сомнение в этом было высказано Я.А. Шером, отметившим, что «из опубликованных памятников к первой группе – реалистической – относится только одно изображение (Усть-Есинская Кыс-таш. – Д.С.)... стилистическое подобие обнаруживается только между изображениями на костяных пластинках и усть-есинском изваянии. Но изваяние “Кыс-таш” было найдено вне комплекса. Его этнокультурная атрибуция неизвестна» [1980, с. 220 – 221]. После открытия Торгажака стало ясно, что стилистически (треугольное лицо, расчесанные на две стороны волосы) изображение на Усть-Есинской Кыс-таш ближе к рисункам на торгажакских гальках, чем на “абаканских” пластинках. Скорее всего, эти два изваяния – Ар-Хая и Усть-Есинская Кыс-таш – следует выделить как отдельную группу памятников, связанных с окуневской изобразительной традицией, но относящихся ко времени, близкому к карасукскому.

Важно подчеркнуть, что оба рассмотренных выше изваяния представляют собой очень крупные гальки с изобразительной плоскостью на одной стороне. Но

если торгажакские гальки – это предметы “индивидуального” пользования, то каменные воплощения того же образа, занимавшие более высокую иерархическую позицию, скорее всего, устанавливались в специально отведенных для этого местах при проведении действий “общественного” характера. О том, что такие места действительно существовали, свидетельствуют “алтарные” ниши в жилищах Торгажака, в одной из которых, как уже говорилось, был найден каменный блок с антропоморфной личиной окуневского типа.

К этому же кругу памятников относится замечательная находка из Черновой XI – костяная пластинка “абаканского” типа, отличающаяся от всех остальных изображением роскошного головного убора, напоминающего платок египетских фараонов. Убор покрывает голову и ниспадает по обеим сторонам остроугольного лица женщины, щеки которой украшают “связки” из четырех колец (рис. 15, 7) [Леонтьев, 2000, рис. 1, 3)]*. По характеру расположения и декору этот головной убор больше всего напоминает узорчатые ленты на изваянии из Ар-Хая. В мог. 7 кург. 9 Черновой XI обнаружен также обломок костяной пластинки с изображением женского лица треугольной формы, которое уже сопоставлялось с торгажакскими (см. рис. 15, 6). Таким образом, выстраивается единая линия развития изобразительной традиции: от позднеокуневского могильника Черновая XI – к изваяниям типа Ар-Хая и Усть-Есинская Кыс-таш и от них (или одновременно с ними) – к торгажакским галькам (см. рис. 15, 6 – 10).

Предметно-аналитический аспект. Детали изображений на торгажакских гальках делятся на две группы: реалии, т.е. рисунки “узнаваемых” предметов, имеющих вещественные аналоги, и рисунки-идеограммы с более сложным внутренним содержанием. К последним относятся изображения в основном геометрического характера. Подчеркнем, что подобное деление достаточно условно, т.к. само сочетание различного рода реалий и способы их декорировки могли иметь определенный семантический подтекст.

Реалии на торгажакских гальках связаны в первую очередь с антропоморфными изображениями. На большинстве “одетых” и “запеленутых” фигурок показана круглая, покрытая сетчатым орнаментом “шапочка” (рис. 16, 1), имеющая достаточно широкий

* По мнению В.Е. Ларичева, от этого изображения “ожидали, видимо, возрождения ушедших в небытие” [2002, с. 93]. Ср. с одним из наших определений назначения торгажакских галек, как “изображения существа, которому верят, от которого *ждут*...” [Савинов, 1996, с. 47] (в обеих цитатах курсив наш).

круг аналогов. Такие же круглые (мягкие?) “шапочки” представлены на известном ростовкинском “лыжнике” (рис. 16, 3), пестиковой фигурке из Верхнего Приобья (рис. 16, 2), нескольких оленных камнях монголо-забайкальского типа (рис. 16, 5, 6) и даже отдельных минусинских изваяниях, считающихся окуневскими (рис. 16, 4, 5). Можно предположить, что в эпоху бронзы головным уборам подобного типа придавалось какое-то особое, сакральное значение.

На большинстве “одетых” фигурок имеется изображение пояса. На одной гальке, явно использованной вторично, посередине пояса из ряда ромбических фигур показана прямоугольная пряжка, украшенная расходящимися от центра линиями (рис. 17, 3). В материалах карасукской культуры такие пряжки неизвестны, но в одном из окуневских погребений (Уйбат V, кург. 1, мог. 21) найдена каменная пластина – пряжка, очень похожая на торгожакскую (рис. 17, 4) [Лазаретов, 1997, табл. XIV, 3]. О том, что на многих гальках представлены изображения именно поясов, а не что-либо иное, свидетельствуют подвешенные к ним предметы – сумки (или “мешки”), ножи, узорчатые ленты с подвесками.

Четко определимые изображения ножей отмечены на двух торгожакских гальках. Один нож спрямленный, другой – изогнутый, характерной для ножей карасукской культуры формы (рис. 17, 5, 7). Тот и другой находят аналоги в материалах карасукской культуры (рис. 17, 6, 8). В одном случае (см. рис. 17, 5) показана свисающая с ножа бахрама. Видимо, изображен нож выгнуто-обушкового типа, подвешенный к поясу слева в чехле. Касаясь материалов карасукского могильника Торг-Аба, П.Г. Павлов отмечал: “В погребениях женщины впервые устанавливается наличие украшенного пояса с прикрепленным к нему чехлом с ножом и шилом” [1995, с. 55]. Такие же бронзовые предметы представлены и среди торгожакских находок [Савинов, 1996, табл. XI, 18 – 25].

Сумки (или “мешки”) прямоугольной формы, украшенные геометрическим орнаментом, изображены обычно, как и на изваянии из Ар-Хая, с правой стороны. Территориально далекие, но по смыслу значи-

Рис. 16. Изображение “шапочки” в изобразительной традиции эпохи бронзы.

1 – торгожакская галька; 2 – “пестиковая” фигурка с Алтая (по Ю.Ф. Кирюшину [1991]); 3 – ростовкинский “лыжник” (по Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых [1989]); 4, 5 – оленные камни Монголии (по В.В. Волкову [1981]); 6 – каменное изваяние из Минусинской котловины (по Л.Р. Кызласову [1986]).

мые аналоги этим предметам – “мешки” – показаны подвешенными к поясу на оленных камнях в западных районах их распространения [Савинов, Членова, 1978, рис. 2, 2, 6].

Как подвесное украшение с определенной долей вероятности можно интерпретировать показанные на гальках отходящие от лица вниз короткие линии (рис. 17, 1). Возможно, это нагрудное украшение, напоминающее реконструируемое П.Г. Павловым по материалам карасукского могильника Сабинка II, – в виде свисающих (кожаных ?) ремешков с многочисленными бронзовыми пронизками и аргилитовыми бусами на концах (рис. 17, 2) [Павлов, 1995, рис. 2]. Такие же пронизки и бусы найдены в жилищах Торгажак [Савинов, 1996, рис. 4, 4, 5; табл. XI, 6 – 8]. Приведенные аналоги показывают, что многие детали на торгожакских гальках показаны с этнографической точностью, что, вероятно, касается и передачи костюма в целом.

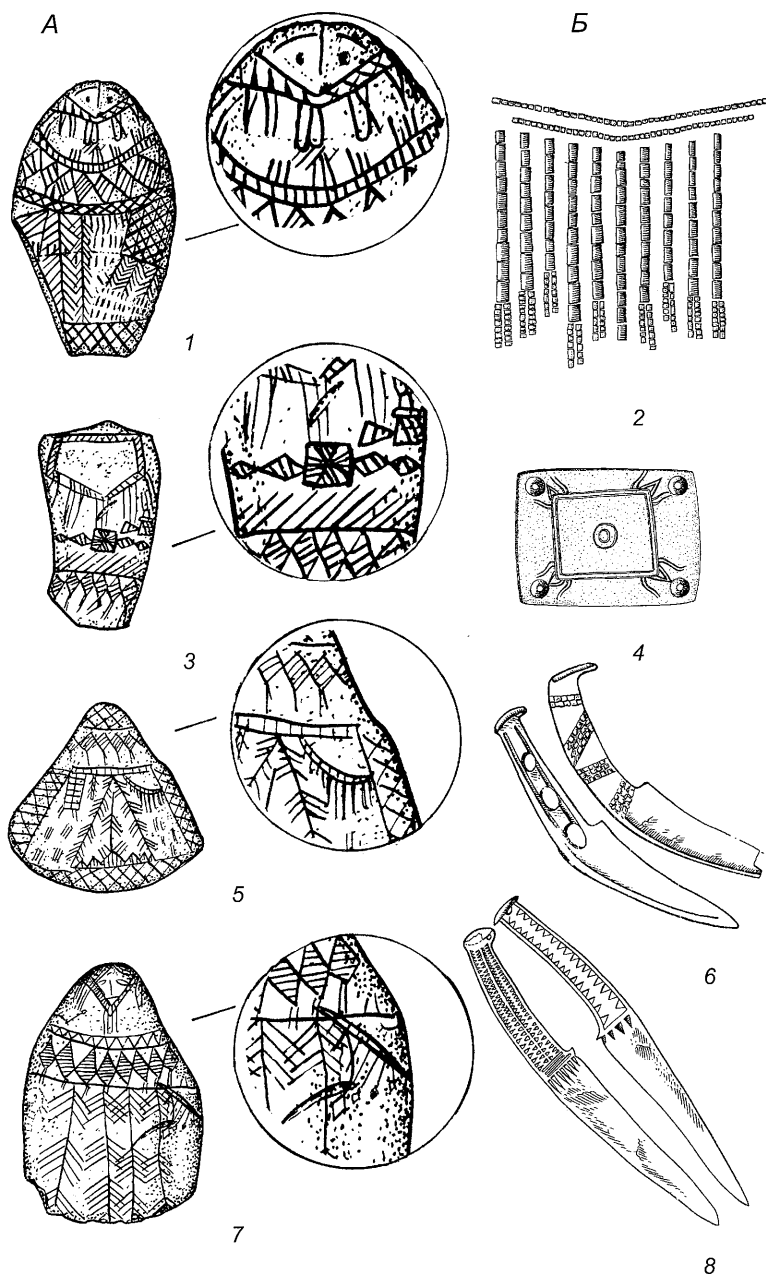

Рис. 17. Антропоморфные гальки (А) и реалии (Б).

1, 3, 5, 7 – Торгажак; 2 – нагрудные бронзовые украшения, реконструкция по материалам могильника Сабинка II (по П.Г. Павлову [1955]); 4 – каменная пряжка, Уйбат V (по И.П. Лазаретову [1997]); 6, 8 – бронзовые ножи карасукской культуры (по Н.Л. Членовой [1972]).

Отличительной чертой всех “одетых” галек является их ярко выраженное декоративное начало; ясно, что речь идет о красочности костюма, достигнутой с помощью вышивки, аппликации, комбинации шитых и подвесных украшений и т.д. Представленные на торгажакских гальках орнаментальные мотивы хорошо поддаются классификации, которая схематически может быть выражена следующим образом

ка – “шапочка” и “фон” нижней части изображений; ряды ромбов с горизонтальной штриховкой и отходящими от них короткими вертикальными черточками – на груди; ряд треугольников с косой штриховкой или полоса, украшенная крестами, – на поясе; древовидные фигуры или “елочный” орнамент – “передник”; “восстановленные” треугольники с косой штриховкой или сеткой – на нижнем крае одежды. Совер-

(рис. 18). *Горизонтально построенный орнамент* (всего шесть мотивов): 1 – цепочка ромбов, 2 – ряды треугольников вершинами вверх (“восстановленные” треугольники), 3 – ряды треугольников вершинами вниз (“опущенные” треугольники), 4 – ряды треугольников вершинами друг к другу (“встречное” расположение треугольников), 5 – зигзаг, 6 – “полосное” построение орнамента. Каждый мотив представлен несколькими (21) вариантами. *Вертикально построенный орнамент* (два мотива): 1 – древовидный, или “елочный”, 2 – “полосной”. Выделяется 12 вариантов.

Большинство декоративных элементов на торгажакских гальках находит соответствие в орнаментах на керамике эпохи поздней бронзы, в первую очередь карасукской культуры. Однако декор на торгажакских гальках значительно богаче, чем на карасукской керамике. Некоторые из указанных мотивов встречаются и в изобразительной традиции предшествующего времени, например, прямая сетка – в гравировках на плитах андроновского могильника Сухое Озеро I [Максименков, 1978, рис. 6], крупная косая сетка – в росписях на плитах из окуневского могильника Верхаскиз I [Хаврин, 1997, рис. 4], “встречные” треугольники и ряды заштрихованных ромбов – в материалах окуневского могильника Уйбат V [Лазаретов, 1997, табл. XII, 1 – 2] и др. Сочетание их с орнаментальными мотивами эпохи поздней бронзы создает общий стиль декоративного убранства рассматриваемых галек, который с полным основанием может быть назван “торгажакским”.

Обращает на себя внимание соответствие отдельных мотивов (или их вариантов) определенным местам или элементам костюма: частая косая сетка – “шапочка” и “фон” нижней части изображений;

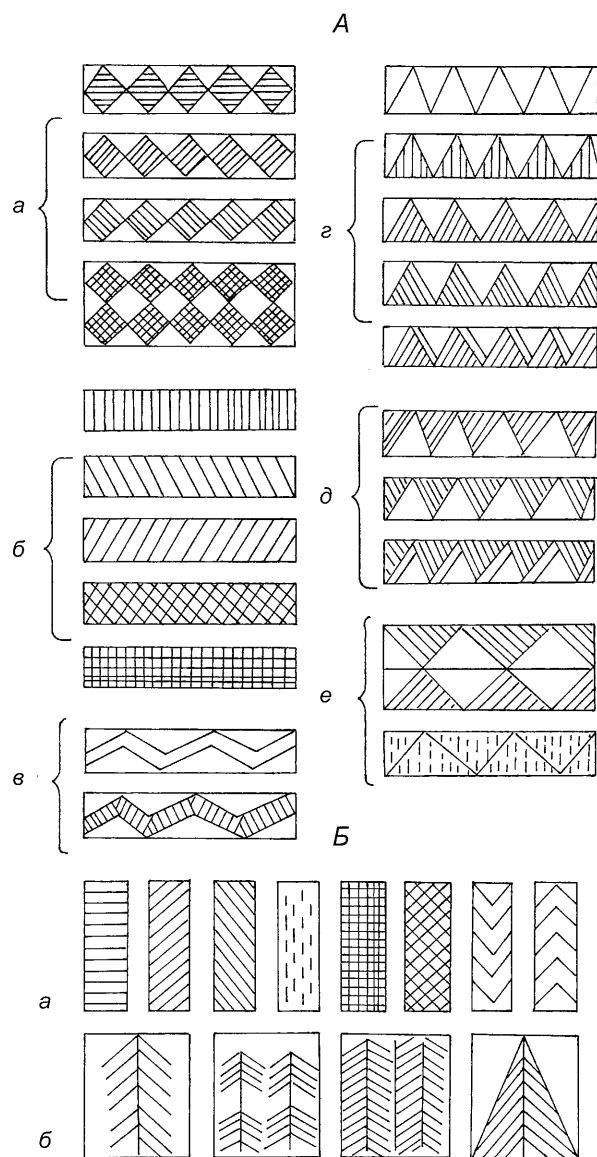

Рис. 18. Орнаментальные мотивы на торгажских гальках.

А – горизонтальное построение орнамента: а – цепочки заштрихованных ромбов, б – “полосной” орнамент, в – зигзаг, г – “восстановленные” треугольники, д – “опущенные” треугольники, е – “встречное” расположение треугольников; Б – вертикальное построение орнамента: а – “полосной” орнамент, б – древовидные мотивы (“елочка”).

шенно очевидно, что в основе орнаментальной схемы на гравированных гальках из Торгажа лежало представление о реальном образе или костюме, и ее элементы имели не только декоративное, но и смысловое значение.

О том, как в действительности могла выглядеть женская одежда обитательниц Торгажа, можно судить по некоторым гравировкам окуневцев. Так,

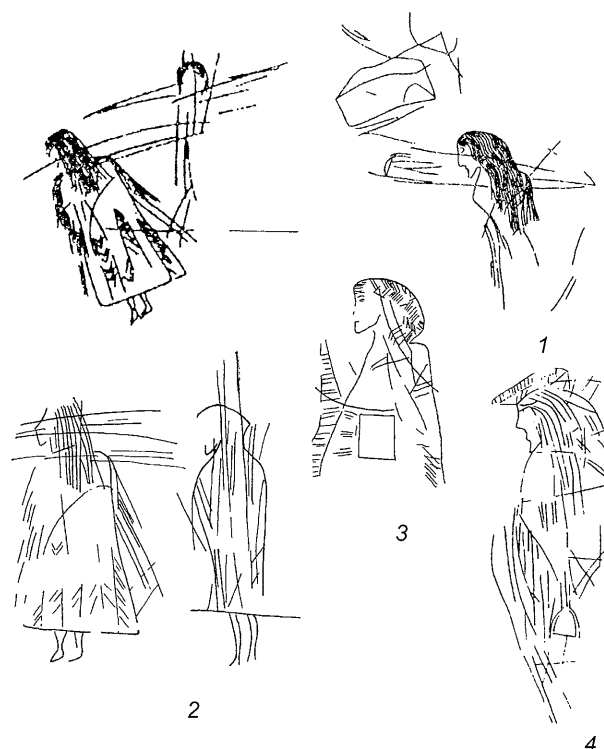

Рис. 19. Изображения людей на окуневских плитах из кургана Разлив Х.

1 – по М.Н. Пшеницыной, Б.Н. Пяткину [1993]; 2, 3 – по С.Н. Леонтьеву [2001]; 4 – по Н.В. Леонтьеву [1997].

на плитах из кургана Разлив Х тонкими резными линиями показаны фигуры стоящих (или идущих) одетых женщин [Пшеницына, Пяткин, 1993, рис. 1]. “Особого внимания, – отмечают исследователи, – заслуживают этнографические черты одежды, реалистически воспроизведенные древними художниками: покроя одежды, аппликации и орнаментации мехом (?), различного фасона головные уборы, украшения для волос, разнообразные прически от сложных укладок до свободно ниспадающих на плечи длинных прядей” [Там же, с. 65 – 66]. К сожалению, пока опубликована только одна плита с подобными изображениями. Прорисовки нескольких (этих же?) фигур мне присланы Н.В. Леонтьевым. Еще одна фигура из Разлива Х опубликована в статье С.Н. Леонтьева [2001, рис. 4, 8]. Судя по этим изображениям, окуневские женщины носили длиннополую плечевую одежду свободного покроя, украшенную в нижней части, как и на торгажских гальках, “елочным” орнаментом (рис. 19, 2). На одном из рисунков у женщины сбоку показан прямоугольник – возможно, это сумка (рис. 19, 3). Прекрасно профильное изображение как бы идущей к “юрте” девушки в приталенной одежде с распущенными волнистыми волосами, подобными

Рис. 20. Элементы культуры нганасан, имеющие аналоги в гравировках из Торжака.

1 – 5 – по Г.Н. Грачевой [1983]; 6 – по С.В. Иванову [1962]; 7, 8 – по А.А. Попову [1948].

обозначенным на некоторых “абаканских” пластинках (рис. 19, 1). Судить о конкретных особенностях костюма, изображенного на торжажских гальках, несмотря на их внешнюю информативность, трудно. Одежда эта могла быть распашной или глухой, зимней или летней.

Самое загадочное изображение на торжажских гальках – показанная на их оборотной стороне дугообразно изогнутая фигура, как бы подвешенная на плечах, от которой вниз отходят многочисленные линии (подвески?), раздваивающиеся на концах или имеющие стреловидные окончания (см. рис. 13, 4 – 7). Дугообразная фигура орнаментирована таким образом, что кажется плетеной. Данный мотив, судя по его повторяемости, вероятно, отражает вполне конкретную реальность, но назначение его пока не поддается точному определению. В одной из более ранних работ, посвященных Торжаку, нами было высказано предположение, что это изображение подвешен-

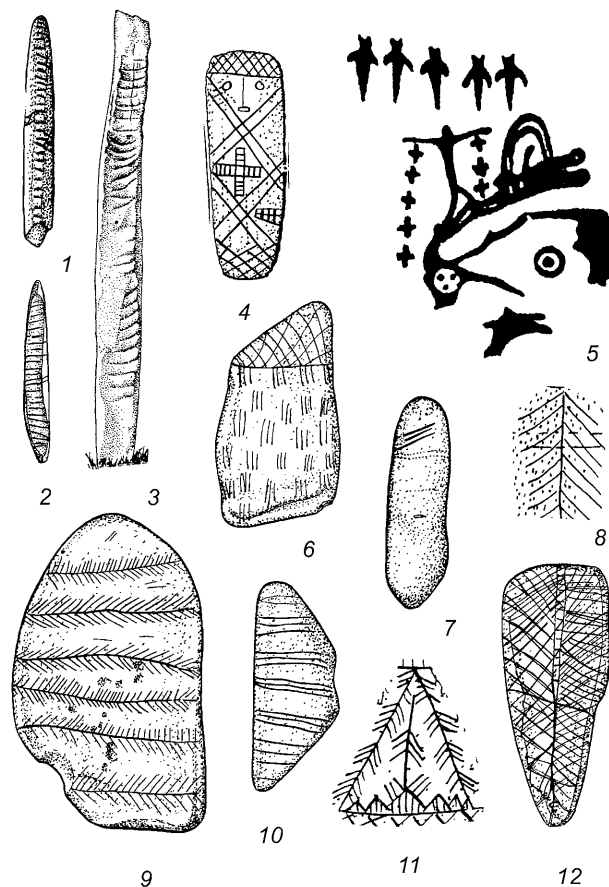

Рис. 21. Идеогаммы на торжажских гальках (1, 2, 4, 6 – 12) и их аналоги (3, 5).

3 – изображение на боковой поверхности окуневского изваяния (по Л.Р. Кызласову [1986]), 5 – Шаболинская писаница, фрагмент (по Б.Н. Пяткину, А.И. Мартынову [1985]).

ной (?) колыбели, к которой, в свою очередь, крепились подвески-обереги [Савинов, 1995, с. 116]. Не исключено также, что перед нами изображение несохранившейся детали женского костюма. Подобным образом, например рядом разноцветных кожаных ремешков-подвесок, оформлялась спинка женского праздничного костюма у нганасан (рис. 20, 8). Возможно и более глубокое объяснение. В интересной статье А.М. Смирнова показаны щитовидные фигуры на плитах мегалитических гробниц в Бретани (Франция), восходящие, по мнению автора, к изображениям тростниковых “хижин для рождения” в искусстве Месопотамии [2001, рис. 2, 5]. Формально они сопоставимы с дугообразно-изогнутыми фигурами на оборотной стороне торжажских галек (см. рис. 13, 8 – 11). “Владычица хижины для рождения”, или “Госпожа зародышей”, – богиня Нинхурсаг – один из центральных персонажей в древней мифологии Месопотамии [Мифологический словарь, 1992, с. 400].

Конечно, для каких-либо далеко идущих выводов одного внешнего сходства, а тем более разделенных огромным пространством и временем аналогов, недостаточно. Но история культуры знает немало примеров, когда смысловое содержание образа сохранялось чрезвычайно долго благодаря устойчивой передаче, даже в трансформированном и далеком от оригинала виде, его атрибутов. Если наши рассуждения верны, то становится понятным, почему по форме некоторые гальки напоминают фигуру беременной женщины (см. рис. 13, 1 – 3). Очевидно, “Хижины для рождения” были связаны с “воспроизводством жизни” [Смирнов, 2001, с. 78], а по своему значению это смыкается с предложенной интерпретацией дугообразных фигур на торгажакских гальках как колыбелей, поскольку колыбель это тоже жилище, образно говоря – “хижина для младенца”.

Рисунки-идеогаммы представлены в основном на гальках с геометрическими изображениями. Помимо беспорядочно нанесенных линий, о назначении которых судить трудно, выделяются несколько устойчиво повторяющихся мотивов, явно обладающих определенным внутренним (семантическим) содержанием. На боковых сторонах некоторых галек сделаны поперечные насечки – “лесенки” (рис. 21, 1, 2). Такие же поперечные черточки, или “скобчатые” фигуры, встречаются на боковых поверхностях некоторых менгиров и изваяний окуневской культуры (рис. 21, 3) [Кызласов, 1986, рис. 93, 125]. Л.Р. Кызласов трактует их как “перекладины веревочных лестниц” [Там же, с. 196], что по смыслу – символическое изображение пути – близко. Можно предположить, что изображение прямого креста на одной из “запеленутых” галек (рис. 21, 4) соответствует понятию “душа”. Подобные кресты являются элементами известной композиции “испрашивания плодородия” на Шалаболинской писанице [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 68]: “кресты-души” рассыпаются из раскинутых рук небесного “сеятеля” (рис. 21, 5). На многих гальках в различной комбинации показаны три короткие параллельные линии (рис. 21, 6), которые можно было бы рассматривать как орнаментальный мотив, если бы три такие же косые параллельные линии не были одним из наиболее характерных элементов оформления оленных камней. К сожалению, данный символ пока не поддается расшифровке, хотя его присутствие в декоре торгажакских галек может иметь свое объяснение (подробнее об этом см.: [Савинов, 1996, с. 43 – 44]). Три косые параллельные линии имеются в верхней части одной из торгажакских галек сигарообразной формы (рис. 21, 7). Безусловно несут смысловую нагрузку и вертикальная линия на оборотной стороне некоторых “запеленутых” галек (рис. 21, 12), и по-разному оформленные древообразные фигуры, которые обычно показаны в нижней части лицевой поверхности “одетых” фигурок (рис. 21, 8, 11).

Особого внимания заслуживают гальки округлой или подпрямоугольной формы с изображением специальным образом очерченного “поля”. Края гальки за пределами “поля” украшены заштрихованными ромбами или сетчатым орнаментом. В пределах “поля” размещаются геометрические фигуры: прямой или косой крест с различными дополнениями; ряды параллельных, иногда пересеченных черточками линий; вытянутые или расположенные по кругу цепочки заштрихованных ромбов. На некоторых гальках центральное “поле” делится на несколько полос, украшенных “елочкой” (см. рис. 10, 1 – 6). Ясно, что это объекты пространственного значения, но что конкретно стоит за данными изображениями – обитаемое или сакрализованное пространство, образ жилища – сказать трудно. Можно лишь высказать предположение о содержании некоторых рисунков с крестом, представляющих собой, возможно, план построек каркасного типа. Так, прямой крест на одной из галек “дополнен” на концах древовидными фигурами, а посередине пересечен косым крестом (см. рис. 10, 5). По сути как такое же сооружение (типа чума), только в “профиль”, может интерпретироваться и одна из рассмотренных выше идеогамм (см. рис. 21, 11).

На гальке с изображением вписанного в прямоугольник косого креста, найденной А.И. Готлибом на горе Чебаки, с одной стороны от прямоугольника показана небольшая “пристройка”, а с другой – отходящий от креста “шест” с треугольным “флажком” на конце (см. рис. 9, 12). В этой связи обращает на себя внимание, что некоторые гальки по форме и характеру орнаментации напоминают легкие каркасные постройки со сферическим сводом – типа юрты (см. рис. 10, 7, 9). Такие же ассоциации вызывают перекрещивающиеся витые “веревки”, показанные на одной из галек (см. рис. 10, 8). Вполне вероятно, что то же самое в схематичном виде (крупная косая сетка) может быть изображено и на других гальках. О возможности использования легких каркасных построек в карасукское время свидетельствуют гравировки на упоминавшейся выше плите из окуневского могильника Разлив Х. Если приведенные прорисовки точны, то на одной из них изображена “юрта” с низким сферическим сводом и входом с боку (см. рис. 19, 1).

Приведенный анализ реалий и идеогамм, представленных на торгажакских гальках, показывает, что изображения в “торгажакском” стиле в целом основываются на достаточно конкретных, взятых из окружающей действительности элементах материальной культуры, контаминация которых является главным средством выражения одухотворенности запечатленных объектов и персонифицированных образов. Именно в таком сочетании реалистически переданных деталей и понятных создателям этих

изображений условных знаковых обозначений, по всей видимости, и состоит своеобразие торгажакских рисунков. Репродуцируемые в многочисленных повторениях, в равной степени канонические и индивидуальные, торгажакские гравировки с полным основанием могут быть отнесены к древнейшим памятникам народного (“этнографического”) искусства, характерного для носителей карасукской культуры Минусинской котловины конца эпохи бронзы, рубежа II и I тыс. до н.э.

Функциональный аспект. Назначение и характер использования торгажакских галек определяются условиями нахождения в комплексе и особенностями нанесенных на них изображений.

Как уже отмечалось, расположенные вокруг “площади” крупные постройки Торгажака, вероятно, функционировали в основном в весенний или осенний период. И сама “площадь”, имевшая ритуальное назначение, и найденные фаллические предметы, “алтарные” ниши с изображениями лошадей на плитках, орнаментированные гальки, занимающие по количеству второе место после фрагментов керамики, и т.д. достаточно четко выделяют обрядовую сторону жизни обитателей поселения. Вероятно, именно на “площади” проходили сезонные “праздники”. Постройки Торгажака можно назвать “храмовыми” сооружениями.

Гравированные гальки беспорядочно размещались как внутри жилищ, так и в ямах на “площади”. Менее половины из них могут считаться практически целыми. Остальные были разбиты или имеют следы искусственного повреждения. Больше всего разбитых галек (46 шт.) обнаружено в жилище 6, расположенном в стороне от основного комплекса построек Торгажака [Савинов, 1996, табл. II]. Это жилище неправильной формы размерами 3 × 4 м с довольно глубоким котлованом по конструкции отличается от остальных. Не исключено, что в нем гальки складывали (или хранили?), т.е. они были временно изъяты из “обращения”. Гальки, найденные в ямах на “площади”, преимущественно целые.

На многих гальках изображения наносились неоднократно. При этом прежний рисунок стирали, поверхность заново шлифовали и на нее накладывали новое изображение, обычно отличное от предыдущего. Чаще всего такой “процедуре” подвергались “запеленутые” фигурки. Значительно реже подновлялись гальки с геометрическими рисунками. Вполне вероятно, что для подшлифовки поверхности использовались найденные здесь же астрагалы овцы, некоторые из которых сработаны “до основания” [Там же, табл. XIV, 25 – 28]. Иногда новые рисунки делали на обломках уже разбитых галек. С учетом всех наблюдений можно сделать вывод, что торгажакские гальки не были объектами какого-то поклонения или дол-

го хранимыми предметами культа. Исполнение связанных с ними обрядов (или ритуальных действий) носило относительно кратковременный характер: со временем гальки теряли свою “силу”, их разбивали или обращали опять в “неодушевленный” материал.

Каким образом гальки использовались при проведении этих обрядов? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратить внимание на условия залегания галек на “площади”. Как уже отмечалось, здесь было обнаружено более 40 разных по диаметру и глубине ям. На дне выявлены остатки деревянных столбов, обломки каменных плиток, фрагменты керамики. Некоторые плитки оказались вкопанными на дне неглубоких ям, т.е. находились в вертикальном положении, а отдельные образцы были установлены в заполнении ям и возвышались над уровнем древней поверхности. Возможно, что такие ямы засыпались самими участниками обряда. По назначению вертикально вкопанные плитки, скорее всего, идентичны деревянным столбам, обнаруженным в более глубоких ямах. Те и другие могли играть роль “оси коммуникации” при исполнении обрядов, одним из элементов которых было изготовление орнаментированных галек.

Гравированные гальки были найдены на дне четырех ям (№ 16, 17, 28, 30). В подавляющем большинстве они целые, среди них зафиксированы и “одетые” фигурки. Возможно, существовала связь между характером использования галек, которые, скорее всего, помещали (закапывали?) в процессе проведения обрядов, и ритуальными действиями на “площади”. В каждой из указанных ям было найдено по несколько галек (в яме № 16 – семь, в остальных – по пять), что может говорить о возможном количестве участников обряда.

Выше уже отмечались иконографические особенности в передаче причесок и головных уборов на “одетых” (женских) фигурках. Скорее всего ими подчеркивалась социально-возрастная принадлежность женщин, переход которых из одного состояния в другое требовал соответствующего ритуального оформления. Дугообразная фигура на обратной стороне “одетых” галек, независимо от предложенных вариантов интерпретации (изображение колыбели, “хижина для рождения”), указывает на связь между социально-возрастным положением женщины и рождением ребенка, возможно, объединенных в рамках одного обрядового цикла. При этом сами изображения на “одетых” гальках вряд ли следует рассматривать как “портретные”; скорее, это симбиоз наиболее значимых символов, необходимых для успешного проведения обряда.

На “запеленутых” фигурках нет изображений с “занавешенным” лицом и распущенными волосами, поэтому, если не брать во внимание другие иконографические особенности, говорить об идентичности содержания “одетых” и “запеленутых” галек не приходится.

“Запеленутые” фигурки по форме (треугольник, обращенный вершиной вниз), согласно традиционным представлениям, можно интерпретировать как мужские (ср. “одетые” фигурки – треугольник, повернутый вершиной вверх). На некоторых “запеленутых” гальках короткими вертикальными черточками показаны торчащие (?) волосы. Можно предположить, что это “детские” изображения. Полосы или ленты, опоясывающие наискось фигурки “запеленутых” галек, несомненно, представляют реально использовавшиеся изделия, хотя из какого материала они были сделаны (кожа, волос, плетение), конечно, сказать трудно. В этой связи вряд ли можно согласиться с И.В. Ковтуном, относящим перекрещивающиеся ленты на торгajakских гальках, как и змеобразные фигуры на ирменской керамике, к “орнаментально-стилизированным параллелям антропоморфных образов”, которые символизируют профильное изображение человека с подогнутыми ногами [Ковтун, 2001, с. 139, табл. 92]. Л.А. Соколова удачно сопоставила торгajakские “запеленутые” фигурки с изображением перекрещивающихся лент и с реконструкцией детского захоронения в колыбели из окуневского могильника Уйбат V [1995, рис. 1, 1, 2, 4]. По ее мнению, “соплеменники и родственники считали, что обряд захоронения в колыбели (это касается не только детских, но и взрослых погребений. – Д.С.) помогал духу умершего возродиться в его потомках” [Там же, с. 48]. В качестве аналога автор приводит изображение на пластинке “абаканского” типа из Черновой VIII, интерпретируя треугольную фигуру в ее нижней части как “поднятые вверх колени погребенного” [Там же, с. 49]. Однако более правомерно трактовать это изображение как вертикальную дужку колыбели. В этой связи важно отметить, что нижняя часть и некоторых других пластинок “абаканского” типа показана как будто обмотанной поперечными линиями (см. рис. 15, 2, 4, 5). Вполне вероятно, что иконографическая схема “запеленутых” фигурок также восходит к окуневской изобразительной традиции, хотя отсутствие промежуточных “звеньев” не позволяет утверждать это с достаточной определенностью (см. рис. 15, 5, 11).

Известно, что в мировоззрении древних народов понятия “жизнь” и “смерть” очень тесно переплетались. Торгajakские гальки были найдены не в погребениях, а на поселении и, в отличие от окуневских параллелей, прямого отношения к обряду захоронения не имеют. Поэтому гораздо логичнее воспринимать “запеленутые” фигурки в их непосредственно образном значении – как изображения запеленутых детей (или лиц, приравненных к ним). В этом смысле галька могла являться votивным воспроизведением колыбели с ребенком, но не реальным, а своего рода двойником, своеобразной *чурингой*, одушевление которой и проведение сопутствующих (магических?) ритуалов были необходимы для успешного рождения ребенка.

Естественно, что большинство галек, изображающих детей, теряло свою “силу” с рождением ребенка или достижением им определенного возраста. Однако некоторые образцы, представляющие неродившихся или умерших детей (?), могли отображать облик человека вплоть до его взрослого состояния. Возможно, поэтому на некоторых “запеленутых” гальках изображены “взрослые” лица, такие же, как и на “одетых”. Изображение запеленутого ребенка (или ребенка в колыбели) могло нести и определенную охранительную функцию – как “отвлекающее” от него неблагоприятные воздействия (до или после рождения).

Таким образом, все смысловые значения “одетых” и “запеленутых” галек находятся в одном семантическом поле: женщина – ребенок – колыбель – “хижина для рождения”. Судя по всему, изготовление и использование этих галек было связано с обрядами, обеспечивающими жизненный цикл женщин, благополучное рождение детей, сохранение “души” еще неродившегося (или умершего) ребенка. В этом плане использование торгajakских галек с антропоморфными изображениями типологически предшествует широко известному “культу онгонов”, получившему очень широкое распространение у народов Сибири. Что касается галек с геометрическими изображениями, то разнообразие образцов не дает возможности говорить о их назначении, а тем более содержании соответствующих обрядов в целом, хотя по условиям залегания гальки с такими рисунками не отличаются от галек с антропоморфными изображениями.

Сравнительно-этнографический анализ

Сопоставление археологических и этнографических источников вообще представляет большую сложность, даже если объектом наблюдений является такой яркий и по сути “палеоэтнографический” комплекс, как поселение Торгajak. Теоретическое обоснование возможностей такого сравнительно-этнографического анализа было дано нами в предшествующих работах [1990, 1994]. По нашему мнению, наиболее перспективно не прямое соотнесение археологических и этнографических данных, т.к. любые отдельно взятые параллели могут иметь случайный характер, а опосредованное, предполагающее моделирование системы связей на “археологическом уровне” (что и было сделано выше) и выбор соответствующей модели на этнографическом материале, за ним – поиск конкретных аналогов и реконструкция явления в целом. Ключевым условием при этом является правильный выбор этнографической модели, связь которой с археологическим комплексом должна быть подкреплена нарративными источниками.

В этом отношении наибольший интерес вызывают нганасаны, живущие на Таймыре, в самой северной зоне бассейна Енисея. Следует отметить, что в начале 1950-х гг. Б.О. Долгих выделил в этнографической культуре нганасан ряд элементов, имеющих параллели в карасукской культуре эпохи бронзы на территории Южной Сибири: отдельные виды украшений (видоизмененные лапчатые подвески и подвески-луницы), ножи изогнутой (коленчатой) формы, традиция изготовления каменных антропоморфных изображений (в середине прошлого столетия изваяния окуневской культуры относились к карасукскому времени), обряд фала-футу (прохождения через “каменные ворота”) – далекое воспоминание о погребальных сооружениях носителей карасукской культуры [1951, 1961]. Кеты, имеющие в своей культуре аналоги названных элементов, возможно, были посредниками в передаче данных традиций в среде енисейских племен, с юга на север. “Древняя северная культура, сохранившаяся в настоящее время у энцев и нганасан, – писал Б.О. Долгих, – носит следы значительного влияния карасукской культуры... Вероятно, предки кетов были связующим звеном между предками энцев (живущих южнее нганасан, но севернее кетов. – Д.С.) и носителями карасукской культуры” [1961, с. 110].

Поиски истоков отдельных элементов культуры нганасан были продолжены Г.Н. Грачевой. Она выявила сходство между “солнечными” тамгами нганасан и некоторыми деталями изображений на изваяниях окуневской культуры [1990, с. 104 – 105, рис. 1, 2]; общую цветовую гамму в раскраске шаманского костюма у нганасан и в росписях на стенках каменных ящиков из Кара-Кола [1987]; смысловое соответствие “многоярусных” антропоморфных изображений, символизирующих генеалогическое древо в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии и Южной Сибири, орнаментальным композициям нганасан [1990, с. 106 – 108, рис. 3 – 5].

В свете приведенных данных о длительном сохранении окуневской изобразительной традиции в карасукской культуре между наблюдениями Б.О. Долгих и Г.Н. Грачевой нет противоречия. По антропологическим материалам, часть карасукцев сформировалась на основе окуневского субстрата [Громов, 2000]. Важно и то, что этническая принадлежность окуневской культуры (и культур окуневского круга) определяется некоторыми исследователями как протосамодийская [Вадецкая, 1983]. Все это вместе позволяет говорить, если не о переселении потомков карасукцев на север, как это представлял себе Б.О. Долгих, то во всяком случае о древней субстратной основе племен бассейна Енисея и некоторых общих особенностях их культуры, удивительным образом сохранившихся и адаптировавшихся к новым условиям у нганасан. Естественно, что речь может идти только о весьма ограниченной и в

целом “заинтересованной” выборке элементов чрезвычайно своеобразной и яркой культуры нганасан; однако количество этих элементов показывает, что их соответствие карасукским, в частности торгажакским, материалам вряд ли случайно.

По своему функциональному назначению торгажакские гальки скорее всего напоминают нганасанские *койка* – “материальные воплощения второстепенных духов-хозяев, покровительствующих членам одного рода или семьи” [Попов, 1984, с. 66]. Показательно, что нганасаны предпочитали иметь *койка* из камня, “от больших каменных выступов скал... до маленьких, сглаженных водой камешков (гальки. – Д.С.)” [Грачева, 1983, с. 32]. *Койка*, связанные с рождением ребенка, делали и в виде антропоморфных изображений. Так, при неудачных родах “можно было обратиться непосредственно к Солнцу-матери, так как она держит в своих руках нити жизни – солнечные лучи, или к Огню-матери – непосредственно или через идола, сделанного из красного тальника специально для этого случая”. Этот “идол”, или *Туй-койка*, представляющий собой женскую фигурку в длинной одежде, украшенной орнаментом, с “мешком” и другими принадлежностями на поясе (см. рис. 20, 1) [Там же, с. 25, рис. 1], напоминает “одежды” женские фигурки из Торгажака.

Среди шаманских бубнов у нганасан выделяется *Ны тидупса хендир* (“женщинам помогающий бубен”), использовавшийся при камлании для облегчения родов. В нижней его части привязывалось маленькое изображение люльки – колыбели “верхнего доброго божества”. “Когда шаман спрашивает у него имя ребенка, божество до тех пор не верит, пока шаман не покажет ему эту люльку” [Попов, 1984, с. 143, рис. 25]. По своим конструктивным особенностям (овальный короб с одной вертикальной дужкой) “люлька” на шаманском бубне у нганасан аналогична колыбели, найденной в детском погребении на могильнике Уйбат V и, возможно, фигуре, представленной на оборотной стороне “одетых” галек. Положение запеленутого ребенка в Уйбате V в полной мере соответствует иконографической схеме на “запеленутых” гальках из Торгажака (см. рис. 20, 7). На одном из нганасанских бубнов были подвешены четыре изогнутые пластины – “если роженица сильно страдает, шаман снимает ремешок с пластинами и опоясывает им роженицу” [Там же, с. 143]. По своей форме и характеру расположения эти пластины соответствуют подвескам-луницам на женском *комбинэ*, которые Б.О. Долгих рассматривал как элемент культуры нганасан, связанный с карасукской культурой.

На днище детских колыбелей мальчишек, как и на некоторых гальках из Торгажака, нганасаны наносили крест [Грачева, 1983, рис. 8, а]. Фигуры вокруг этого креста (“спальное место ребенка”) по своим очертаниям напоминают гальку (см. рис. 20, 3); причем

внешняя показана красной краской, внутренняя – черной, крест – красной. “Красное перекрестие в черном овале обозначало солнце и огонь” [Там же, с. 41]. Крестообразная фигура из параллельных линий без внешнего оформления могла наноситься на “любой люльке”, как у мальчиков, так и у девочек (см. рис. 20, 2). “Дети, находившиеся в люльке... были как бы двух миров. Над родившимися все время висела угроза перехода в другой мир”, т.к. они еще “не успели оставить в этом мире какую-либо значительную часть своей жизни. Она живет только в люльке ребенка. ...С целью ограждать детей от болезни и смерти” на бубне также рисовали черное изображение люльки [Там же, с. 87]. Кроме того, у нганасан существовало, по-видимому, уже очень “глухое”, представление о “двойнике” ребенка, хранившемся в колыбели. Считалось, что “если отдать люльку, в которой вырос ребенок, даже если он уже взрослый, в этой семье будут рождаться больные дети” [Грачева, 1976, с. 47].

Изображенные в нижней части нганасанского бубна “тени умерших”, т.е. “людей, как бы нанизанных на одну связку” [Грачева, 1983, с. 86, рис. 13, е], внешне соответствуют древовидным фигурам в нижней части торгожакских галек (см. рис. 20, 5). Девушкам в случае смерти обязательно закрывали (“завешивали”) лицо опушкой погребальной шапки [Там же, с. 90]. Умерших юношей клали в ножной мешок, иногда в вытянутом положении и, как и остальных покойных, обычно связывали, т.е. “пеленали” [Там же, с. 91, 118]. Таким образом, внешние проявления ритуалов, связанных с рождением и смертью, в некоторых случаях совпадали, что не должно вызывать удивления. Как уже отмечалось, грань между понятиями “жизнь” и “смерть” в мировоззрении древних народов была весьма относительной.

Крайне интересны материалы по одежде нганасан. Согласно исследованию Г.Н. Грачевой, у нганасан существовало три вида одежды: будничная (*лу*), без орнамента; праздничная, она же “танцевальная” (*тосодя лу*), основная особенность которой “состоит в том, что ее оформление мозаичным орнаментом и ровдужной бахромой показывало половозрастное и семейное положение ее владельца”, и “приготовленная” – свадебная, она же погребальная, (*тонгала лу*), носившаяся, в отличие от других, с поясом и головным убором (*лукуа*), которым можно было закрывать лицо [Там же, с. 80]. Особое внимание уделялось оформлению спинки одежды: ее украшали многочисленными ремешками-подвесками, например, на шаманской парке были ровдужные подвески красного цвета с тремя, иногда двумя разветвлениями на концах. “Вся подвеска изображала мать, детей, их возможное потомство” [Там же, с. 139, рис. 23]. Такие же линии, раздваивающиеся на концах, изображены на “спинках” торгожакских галек (см. рис. 20, 4).

Для ношения культовых предметов были специальные орнаментированные сумки [Иванов, 1954, рис. 66]. Считается, что нганасаны пользовались и глухой, и распашной одеждой; однако, как предполагают Б.О. Долгих и Л.А. Файнберг, прежде, до переселения на Север, вся одежда нганасан была распашной, близкой по крою тунгусскому костюму [1960, с. 42 – 43]. В целом одежда, изображенная на торгожакских галках, распашная, украшенная геометрическим орнаментом, элементы которого расположены рядами, друг над другом, с подвешенными к поясу предметами и специальным образом оформленной спинкой, удивительным образом напоминает свадебную (погребальную) одежду нганасан, которую изготавливали в соответствии с принадлежностью девушки/женщины к определенной возрастной группе [Попов, 1948, табл. 24 – 25, 27 – 28 и др.; Грачева, 1983, рис. 11].

Все элементы орнамента на нганасанском костюме имели свое строго определенное место и смысловое значение [Симченко, 1963а]. “До наступления совершеннолетия, – отмечает Ю.Б. Симченко, – юноши и девушки носят только один орнамент... Вступление в матримониальное состояние влечет за собой изменение орнаментальных украшений в одежде” [Там же, с. 171]. При орнаментации металлических предметов нганасаны использовали целый ряд элементов, о которых говорилось в связи с анализом горизонтально построенных орнаментов: штриховка – косая и прямая, треугольники – “опущенные”, “восстановленные” и с “удвоенным контуром” и др. [Иванов, 1962, рис. 9]. Как отдельный мотив встречаются три короткие параллельные линии, столь характерные для орнаментации торгожакских галек.

Обычай нганасан создавать специальные ритуальные (“праздничные”) сооружения запечатлен в знаменитом празднике “чистого чума”, который блестяще описан А.А. Поповым [1936, с. 61 – 83]. Участники этого праздника, как правило, пользовались одеждой *тосодя лу* [Грачева, 1983, с. 80]. Однако, как было установлено Ю.Б. Симченко, шаманскому празднику “чистого чума” стадийно предшествовал другой праздник – *Аны’ о-дялы* (“большой день”), приуроченный “к тому времени, когда начнет таять снег и покажется земля”, т.е. к весне. На праздник *Аны’ о-дялы* надевали свадебную, или погребальную, одежду (*тонгала лу*), украшенную орнаментами красного, черного и желтого цвета, а также “медными металлическими пластинами, аналоги которых Б.О. Долгих находит в археологических материалах карасукской культуры” [Симченко, 1963б, с. 171]. Распорядительницами на нем были самые старые женщины. Одним из основных был обряд “испрашивания плодородия”. При этом все жертвоприношения носили коллективный характер, “независимо от того, люди каких ро-

дов участвовали в празднике и в каком количестве присутствовали представители каждого рода [Там же, с. 173]. Г.Н. Грачева отмечает, что *тангала лу* (“обрядовая одежда”) “предназначалась исключительно для случаев, подобных инициациям – для праздника *Аны’ о-дялы*, свадьбы, смерти”, когда “все общество, участвующее в обряде, как бы обновляется за счет притока молодых сил и переживает момент нового рождения” [1983, с. 82 – 83]. Нечто подобное можно предполагать и для всего цикла ритуальных действий, проводившихся на Торгажаке.

Ни один из приведенных примеров не противоречит интерпретации, вытекающей из условий залегания торгажакских галек и нанесенных на них изображений. Взятые по отдельности, они носили бы достаточно общий или случайный характер, но все вместе характеризуют определенную этнографическую среду, ту “ауру” культуры, в которой могли появиться и использоваться ритуальные постройку и гравированные гальки из Торгажака.

Заключение

Гравированные гальки из Торгажака представляют собой пример “народного” (в этнографическом значении термина – традиционного) искусства, видимо, вообще характерного для эпохи поздней бронзы. Практика использования галек для нанесения различного рода изображений, имеющая чрезвычайно глубокие корни (начиная от знаменитых “азильских” галек), получила широкое распространение (имеются северо-американские и восточно-сибирские параллели). Однако приемы украшения торгажакских галек, в частности, с антропоморфными изображениями, достаточно специфичны и отражают вполне определенную изобразительную традицию, связанную с окуневской культурой. Пластинки “абаканского” типа, обнаруженные преимущественно в окуневских женских и детских (младенческих) захоронениях, не только имеют стилистическое сходство, но и указывают на тот круг представлений, с которыми было связано изготовление орнаментированных галек, найденных на “площади” и в жилищах Торгажака. Судя по всему, это были сезонные праздники, отражающие идеи культово-генеалогического порядка, направленные на регуляцию жизненного цикла женщин, благополучное рождение детей и в целом обеспечение процессов “перехода” и реинкарнации, являвшихся важнейшим условием существования любого архаического общества. Сами гравированные гальки, использовавшиеся при проведении соответствующих обрядов и затем терявшие свою “силу”, могли играть роль посредников или символического (материализованного) обозначения желаемого результата. В этом плане они сопоставимы с более поздними *онгонами*, получив-

шими, как известно, широкое распространение в анимистических культах народов Сибири. Вместе с тем антропоморфные рисунки из Торгажака могли иметь и более глубокое содержание, представляя изображения “двойников” или каких-то других объектов “иррациональных”, в первую очередь магических действий.

Несомненно заслуживает внимания несколько неожиданная, но интересная параллель дугообразным фигурам на оборотной поверхности “одетых” галек с изображениями “хижин для рождения”, характерных для более западных культур. Сложную и еще во многом не ясную символику имеют разнообразные рисунки геометрического характера, также каким-то образом использовавшиеся в ритуале. Контаминация всех этих мотивов – антропоморфных образов с чрезвычайно выразительным декоративным оформлением, геометрических рисунков и идеограмм – составляет отличительную особенность *торгажакского изобразительного стиля*. Можно предположить, что генезис этого стиля был достаточно сложным, многолинейным, хотя, кроме четко выделяемого окуневского компонента, пока говорить о его других составляющих трудно. По своему назначению гравированные гальки из Торгажака могут быть определены как произведения *ритуально-прикладного искусства*, в которых изобразительная сторона была четко подчинена задачам функционального использования соответствующей группы изображений. Отраженная в них анимистическая сфера представлений, конечно, уже в трансформированном, но все же узнаваемом виде, сохранилась у нганасан, “степень доверия” к материалам которых вполне обоснована в свете проведенных выше аналогий. Вероятно, нечто подобное дошаманистскому “празднику” *Аны’ о-дялы*, но еще в своих первоначальных формах, происходило в весенние (или осенние?) месяцы в “храмовых” постройках Торгажака.

Список литературы

- Ассеев И.В.** Аналогии в первобытном искусстве Сибири и Аляски на примере гравированных галек // Гум. науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 109 – 114.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37 – 87.
- Вадецкая Э.Б.** Поиски “самодийцев” на Енисее // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1983. – С. 20 – 23.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 253 с.
- Готлиб А.И.** Горные сооружения-“све” – новый вид археологических источников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Т. 1. – С. 129 – 133.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1980. – 255 с.

Грачева Г.Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 44 – 66.

Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (по материалам XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1983. – 172 с.

Грачева Г.Н. Еще одна северная параллель окуневским изображениям // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 119 – 122.

Грачева Г.Н. Следы ранних представлений о природных связях у нганасан // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – М.: Наука, 1990. – С. 98 – 117.

Громов А.В. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – 33 с.

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. – 1950. – № 12. – С. 128 – 156.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. – М.; Л., 1956. – № 48. – 160 с.

Грязнов М.П. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби // Сб. Гос. Эрмитажа. – 1962. – № 22. – С. 26 – 27.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 222 с.

Долгих Б.О. Обрядовые сооружения нганасан и энцев // КСИЭ. – 1951. – № 13. – С. 8 – 14.

Долгих Б.О. О похоронном обряде кетов // СА. – 1961. – № 3. – С. 102 – 112.

Долгих Б.О., Файнберг Л.А. Таймырские нганасаны // ТИЭ. Нов. сер. – 1960. – Т. 56. – С. 9 – 62.

Дэвлет М.А. О жилищах эпохи бронзы по материалам петроглифов // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1992. – Ч. 1. – С. 112 – 116.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 244 с.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 838 с. – (ТИЭ; Т. 22).

Иванов С.В. Культурно-исторические связи энцев и нганасан по данным орнамента // КСИЭ. – 1962. – № 37. – С. 57 – 66.

Кирюшин Ю.Ф. Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // История, филология и философия. – Новосибирск: Наука, 1991. – Вып. 2. – С. 66 – 69.

Климашевский Э.Л. Орнаментированные гальки из района истока Ангара // Древняя история народов юга Восточной Азии. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 2. – С. 159 – 164.

Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз I, кург. 2 // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 80 – 112.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – 181 с.

Крупяник А.А., Табаров А.В. Графика и пластика в искусстве каменного века Дальнего Востока // Гум. науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 68 – 72.

Кузина Г.А. Орнаментированные гальки руднинской культуры // Духовная культура Урала: Тез. докл. – Свердловск, 1987. – С. 8 – 9.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. НИИ языка и лит., 1991. – С. 3 – 22.

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. – СПб.: ИИМК РАН, 1993. – 44 с. – (Археол. изыскания; Вып. 7).

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 206 с.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 294 с.

Лазаретов И.П. Керамика поселения Торгажак // Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – С. 33 – 37.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19 – 64.

Ларичев В.Е. Magna Mater и время (к проблеме астрального характера богов окуневской культуры) // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство. Время. Культура. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 86 – 93.

Левашева В.П. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 99 – 104.

Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222 – 236.

Леонтьев С.Н. Мелкая пластика окуневской культуры из кургана Черновая XI // Вест. Сиб. ассоц. исследователей первобытного искусства. – 2000. – Вып. 3. – С. 15 – 17.

Леонтьев С.Н. Гравированные гальки Торгажака (к семантике некоторых изображений) // Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Д.Г. Савинова. – СПб.: СПб. ун-т, 2001. – С. 111 – 116.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 3 – 34.

Мачинский Д.А., Чугунов К.В. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. – СПб., 1998. – С. 183 – 188.

Мифологический словарь. – М.: Лада-Маком, 1992. – С. 400.

Павлов П.Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – С. 47 – 56. – (Археол. изыскания; Вып. 24).

Подольский М.Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 168 – 201.

- Попов А.А.** Тавгийцы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 110 с.
- Попов А.А.** Нганасаны: Материальная культура. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 116 с.
- Попов А.А.** Нганасаны: Социальное устройство и верования. – Л.: Наука, 1984. – 150 с.
- Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н.** Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА. – 1993. – № 209. – С. 58 – 67.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.** Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Краснояр. ун-т, 1985. – 192 с.
- Савинов Д.Г.** Об основных принципах археолого-этнографических реконструкций // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – С. 5 – 8.
- Савинов Д.Г.** Открытие карасукского поселения Торгажак в Хакасии (предварительное сообщение) // Древние культуры и археологические изыскания. – СПб.: ИИМК РАН, 1991. – С. 17 – 21.
- Савинов Д.Г.** Основные вопросы теории палеоэтнографических исследований // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Материалы Всерос. семинара “Интеграция археологических и этнографических исследований”. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1994. – Вып. 2. – С. 130 – 132.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфные изображения на гальках из Торгажака (новые материалы о южных истоках культуры нганасан) // “Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...”: Сб. статей, посвящ. памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 107 – 120.
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – 105 с.
- Савинов Д.Г.** Жилища Торгажака – якутский балаган: опыт историко-культурной корреляции // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 514 – 522.
- Савинов Д.Г., Членова Н.Л.** Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 72 – 94.
- Севастьянова Э.А.** Работы у станции Аскиз // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 241 – 242.
- Семенов В.А.** Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – 135 с.
- Симченко Ю.Б.** Праздник Аны’ о-дялы у авамских нганасан // ТИЭ. Нов. сер. – 1963а. – Т. 84. – С. 168 – 179.
- Симченко Ю.Б.** Нганасанские орнаменты // СЭ. – 1963б. – № 3. – С. 166 – 171.
- Смирнов А.М.** Изображения храмовых структур и сюжетов в европейском мегалитическом искусстве в IV – III тыс. до н.э.: опыт идентификации // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 60 – 89.
- Соколова Л.А.** Погребение в колыбели окуневского могильника Уйбат V // Археол. вестник. – 1995. – № 4. – С. 45 – 50.
- Хаврин С.В.** Могильник Верхний Аскиз I, кург. 1 // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 65 – 79.
- Ченченкова О.П.** Некоторые особенности семантики орнаментированных костей эпохи энеолита из Северного Казахстана // Проблемы изучения окуневской культуры: Тез. докл. – СПб., 1995. – С. 63 – 67.
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – 1960. – № 88. – 271 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 246 с.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
- Ackerman R.E.** Art or Magic: the incised pebbles from Southern Alaska // Michigan Archaeologist. – 1965. – Vol. 11, N 3/4. – P. 181 – 188.
- Molodin V.J., Kiseleva E.A.** The dogu phenomenon within the context of Eurasian and American cultures (Statement of the problem) // Northeast Asian Study. Ser. 2. – 1998. – P. 1 – 14.

Материал поступил в редколлегию 6.01.03 г.